

Шодерло де Лакло

Опасные связи

Перевод с французского
Надежды Рыковой

ФТМ

Шодерло Лакло
Опасные связи

«ФТМ»

1782

Лакло Ш. д.

Опасные связи / Ш. д. Лакло — «ФТМ», 1782

Роман в письмах «Опасные связи» единственный эпистолярный роман французского генерала Шодерло де Лакло (1741–1803) признан лучшим романом XVIII века и по воспоминаниям автора основан на реальных событиях. Роман создаёт яркий образ французского аристократического общества накануне Великой французской революции. Великосветская аристократия в угоду собственной прихоти с легкостью приносит в жертву судьбы, не задумываясь, что игра оплачивается человеческой жизнью.

© Лакло Ш. д., 1782

© ФТМ, 1782

Содержание

Предупреждение издателя	6
Предисловие редактора	7
Письмо 1	10
Письмо 2	12
Письмо 3	14
Письмо 4	15
Письмо 5	17
Письмо 6	19
Письмо 7	21
Письмо 8	22
Письмо 9	23
Письмо 10	25
Письмо 11	28
Письмо 12	30
Письмо 13	31
Письмо 14	32
Письмо 15	33
Письмо 16	34
Письмо 17	36
Письмо 18	37
Письмо 19	39
Письмо 20	40
Письмо 21	42
Письмо 22	44
Письмо 23	46
Письмо 24	49
Письмо 25	50
Письмо 26	51
Письмо 27	53
Письмо 28	55
Письмо 29	56
Письмо 30	57
Письмо 31	58
Письмо 32	59
Письмо 33	61
Письмо 34	63
Письмо 35	65
Письмо 36	67
Письмо 37	69
Письмо 38	70
Письмо 39	72
Письмо 40	73
Письмо 41	75
Письмо 42	76
Продолжение письма 40	77
Письмо 43	79

Письмо 44	80
Письмо 45	84
Письмо 46	85
Письмо 47	86
Письмо 48	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Шодерло де Лакло

Опасные связи

Предуведомление издателя

Считаем своим долгом предупредить Читателей, что, несмотря на заглавие этой Книги и на то, что говорит о ней в своем предисловии Редактор, мы не можем ручаться за подлинность этого собрания писем и даже имеем весьма веские основания полагать, что это всего-навсего Роман. Сдается нам также, что Автор, хотя он, казалось бы, стремится к правдоподобию, сам нарушает его, и притом весьма неуклюжим образом, из-за времени, к которому он приурочил изложенные им события. И впрямь, многим из выведенных у него действующих лиц свойственны нравы настолько дурные, что просто невозможно предположить, чтобы они были нашими современниками, жили в век торжества философии, когда распространяющееся повсюду просвещение сделало, как известно, всех мужчин столь благородными, а всех женщин столь скромными и благонравными.

Мнение наше, следовательно, таково, что ежели события, описанные в этом Сочинении, и являются в какой-то мере истинными, они могли произойти лишь в каких-то иных местах или в иные времена, и мы строго порицаем Автора, который, видимо, поддался соблазну как можно больше заинтересовать Читателя, приблизившись к своему времени и к своей стране, и потому осмелился изобразить в наших обличьях и среди нашего быта нравы, нам до такой степени чуждые.

Во всяком случае, мы хотели бы, насколько возможно, оградить слишком доверчивого Читателя от каких-либо недоумений по этому поводу и потому подкрепляем свою точку зрения соображением, которое высказываем тем смелее, что оно кажется нам совершенно бесспорным и неопровержимым: несомненно, одни и те же причины должны приводить к одним и тем же следствиям, а между тем в наши дни мы что-то не видим девиц, которые, обладая доходом в шестьдесят тысяч ливров, уходили бы в монастырь, а также президентш, которые, будучи юными и привлекательными, умирали бы от горя.

Предисловие редактора

Это Сочинение, или, вернее, это Собрание писем, Читатели, возможно, найдут слишком обширным, а между тем оно содержит лишь незначительную часть той переписки, из которой оно нами извлечено. Лица, которым она досталась, пожелали опубликовать ее и поручили мне подготовить письма к изданию, я же в качестве вознаграждения за свой труд попросил лишь разрешения изъять все то, что представлялось мне излишним, и постарался сохранить только письма, показавшиеся мне совершенно необходимыми либо для понимания событий, либо для развития характеров. Если к этой несложной работе прибавить размещение избранных мною писем в определенном порядке – а порядок этот был почти всегда хронологический – и еще составление немногих кратких примечаний, большей частью касающихся источников тех или иных цитат или обоснования допущенных мною сокращений, то к этому и сведется все мое участие в данном Сочинении. Никаких иных обязанностей я на себя не принимал.¹

Предлагал я сделать ряд более существенных изменений, позаботиться о чистоте языка и стиля, далеко не всегда безупречных. Добивался также права сократить некоторые чересчур длинные письма – среди них есть и такие, где говорится без всякой связи и почти без перехода о вещах, никак друг с другом не вяжущихся. Этой работы, согласия на которую я не получил, было бы, разумеется, недостаточно, чтобы придать Произведению подлинную ценность, но она, во всяком случае, избавила бы Книгу от некоторых недостатков.

Мне возразили, что желательнее было обнародовать самые письма, а не какое-то Произведение, по ним составленное, и что, если бы восемь или десять человек, принимавших участие в данной переписке, изъяснялись одинаково чистым языком, это противоречило бы и правдоподобию и истине. Я, со своей стороны, заметил, что до этого весьма далеко и что, напротив, ни один автор данных писем не избегает грубых, напрашивающихся на критику ошибок, но на это мне отвечали, что всякий рассудительный Читатель и не может не ждать ошибок в собрании писем частных лиц, если даже среди опубликованных доньше писем различных весьма уважаемых авторов, в том числе и некоторых академиков, нет ни одного вполне безупречного по языку. Доводы эти меня не убедили, – я полагал, как и сейчас еще полагаю, что приводить их гораздо легче, чем с ними соглашаться. Но здесь я не был хозяином и потому подчинился, оставив за собою право протестовать и заявить, что держусь противоположного мнения. Сейчас я это и делаю.

Что же касается возможных достоинств данного Произведения, то, пожалуй, по этому вопросу мне высказываться не следует, ибо мое мнение не должно и не может иметь влияния на кого бы то ни было. Впрочем, те, кто, приступая к чтению, любят знать хотя бы приблизительно, на что им рассчитывать, те, повторяю, пусть читают мое предисловие дальше. Всем прочим лучше сразу же перейти к самому Произведению: им вполне достаточно и того, что я пока сказал.

Должен прежде всего добавить, что, если – охотно в этом признаюсь – у меня имелось желание опубликовать данные письма, я все же весьма далек от каких-либо надежд на успех. И да не примут этого искреннего моего признания за наигранную скромность Автора. Ибо заявляю столь же искренне, что, если бы это Собрание писем не было, на мой взгляд, достойным предстать перед читающей Публикой, я бы не стал им заниматься. Попытаемся разъяснить это кажущееся противоречие.

---

¹ Должен также предупредить, что я исключил или изменил имена всех лиц, о которых идет речь в этих письмах, и что ежели среди имен, мною придуманных, найдутся принадлежащие кому-либо, то это следует считать моей невольной ошибкой и не делать из нее никаких выводов.

Ценность того или иного Произведения заключается в его полезности, или же в доставляемом им удовольствии, или же и в том и в другом вместе, если уж таковы его свойства. Но успех отнюдь не всегда служит показателем достоинства, он часто зависит более от выбора сюжета, чем от его изложения, более от совокупности предметов, о которых идет речь в Произведении, чем от того, как именно они представлены. Между тем в данное Собрание, как это явствует из заглавия, входят письма целого круга лиц, и в нем царит такое разнообразие интересов, которое ослабляет интерес Читателя. К тому же почти все выражаемые в нем чувства лживы или притворны и потому способны вызвать в Читателе лишь любопытство, а оно всегда слабее, чем интерес, вызванный подлинным чувством, а главное, в гораздо меньшей степени побуждает к снисходительной оценке и весьма чутко улавливает всякие мелкие ошибки, досадно мешающие чтению.

Недостатки эти отчасти, быть может, искупаются одним достоинством, свойственным самой сущности данного Произведения, а именно, разнообразием стилей – качеством, которого Писателю редко случается достигнуть, но которое здесь возникает как бы само собой и, во всяком случае, спасает от скуки однообразия. Кое-кто, пожалуй, оценит и довольно большое количество наблюдений, рассеянных в этих письмах, наблюдений, либо совсем новых, либо малоизвестных. Вот, полагаю, и все удовольствие, какое от них можно получить, даже судя о них с величайшей снисходительностью.

Польза этого Произведения будет, может быть, оспариваться еще больше, однако, мне кажется, установить ее значительно легче. Во всяком случае, на мой взгляд, разоблачить способы, которыми бесчестные люди портят порядочных, значит оказать большую услугу добрым нравам. В Сочинении этом можно будет найти также доказательство и пример двух весьма важных истин, которые находятся, можно сказать, в полном забвении, если исходить из того, как редко осуществляются они в нашей жизни. Первая истина состоит в том, что каждая женщина, соглашающаяся вести знакомство с безнравственным мужчиной, становится его жертвой. Вторая – в том, что каждая мать, допускающая, чтобы дочь ее оказывала какой-либо другой женщине больше доверия, чем ей самой, поступает в лучшем случае неосторожно. Молодые люди обоего пола могут также узнать из этой Книги, что дружба, которую, по-видимому, так легко дарят им люди дурных нравов, всегда является лишь опасной западней, роковой и для добродетели их, и для счастья. Однако все хорошее так часто употребляется во зло, что, не только не рекомендуя молодежи чтение настоящей Переписки, я считаю весьма существенным держать подобные Произведения подальше от нее. Время, когда эта именно книга может уже не быть опасной, а, наоборот, приносить пользу, очень хорошо определила некая достойная мать, выказав не простую рассудительность, но подлинный ум. «Я считала бы, – сказала она мне, ознакомившись с этой рукописью, – что окажу настоящую услугу своей дочери, если дам ей ее прочесть в день ее замужества». Если все матери семейств станут так думать, я буду вечно радоваться, что опубликовал ее.

Но, даже исходя из столь лестного предположения, мне все же кажется, что это Собрание писем понравится немногим. Мужчинам и женщинам развращенным выгодно будет опорочить Произведение, могущее им повредить. А так как у них вполне достаточно ловкости, они, возможно, привлекут на свою сторону ригористов, возмущенных картиной дурных нравов, которая здесь изображена.

У так называемых вольнодумцев не вызовет никакого сочувствия набожная женщина, которую именно из-за ее благочестия они будут считать жалкой бабенкой, люди же набожные вознегодуют на то, что добродетель не устояла и религиозное чувство не оказалось достаточно сильным.

С другой стороны, людям с тонким вкусом покажется противным слишком простой и неправильный стиль многих писем, а средний читатель, убежденный, что все напечатан-

ное есть плод писательского труда, усмотрит в иных письмах вымученную манеру Автора, выглядывающего из-за спины героев, которые, казалось бы, говорят от своего имени.

Наконец, может быть высказано и довольно единодушное мнение, что все хорошо на своем месте и что если чрезмерно изысканный стиль писателей действительно лишает естественного изящества письма частных людей, то небрежности, которые зачастую допускаются в последних, становятся настоящими ошибками и делают их неудобочитаемыми, когда они появляются в печати.

От всего сердца признаю, что, быть может, все эти упреки вполне обоснованны. Думаю также, что смог бы на них возразить, не выходя даже за допустимые для Предисловия рамки. Но для того, чтобы необходимо было отвечать решительно на все, нужно, чтобы само Произведение не способно было ответить решительно ни на что, а если бы я так считал, то уничтожил бы и Предисловие и Книгу.

Письмо 1

От Сесили Воланж к Софи Карне в монастырь ***ских урсулинок

Ты видишь, милая моя подружка, что слово свое я держу и что чепчики да помпоны не отнимают всего моего времени: для тебя его у меня всегда хватит. А между тем за один этот день я видела больше всяких нарядов, чем за четыре года, проведенные нами вместе. И думаю, что при первом же моем посещении гордая Танвиль,² которую я непременно попрошу выйти ко мне, почувствует больше досады, чем надеялась причинить нам каждый раз, когда навещала нас *in flocchi*.³ Мама обо всем со мной советовалась: она гораздо меньше, чем прежде, обращается со мной, как с пансионеркой.⁴ У меня есть своя горничная; в моем распоряжении отдельная комната и кабинет, я пишу тебе за прелестным секретером, и мне вручили ключ от него, так что я могу запирать туда все, что захочу. Мама сказала мне, что я буду видеться с нею ежедневно в то время, когда она встает с постели, что к обеду мне достаточно быть тщательно причесанной, так как мы всегда будем одни, и что тогда она будет сообщать мне, какие часы после обеда я должна буду проводить с ней. Все остальное время в полном моем распоряжении. У меня есть моя арфа, рисование и книги, как в монастыре, с той только разницей, что здесь нет матери Перпетуи, чтобы меня бранить, и что стоит мне захотеть – я могу предаваться полному безделью. Но так как со мной нет моей Софи, чтобы болтать и смеяться, то я уж предпочитаю быть чем-нибудь занятой.

Сейчас еще нет пяти часов. К маме мне надо в семь – времени достаточно, было бы только что рассказывать! Но со мной еще ни о чем не заговаривали, и не будь всех приготовлений, которые делаются на моих глазах, и множества модисток, являющихся к нам ради меня, я думала бы, что вовсе и не собираются выдавать меня замуж и что это просто очередная выдумка нашей доброй Жозефины.⁵ Однако мама часто говорила мне, что благородная девица должна оставаться в монастыре до замужества, и раз уж она взяла меня оттуда, Жозефина как будто права.

У подъезда только что остановилась карета, и мама велела передать мне, чтобы я тотчас же шла к ней. А что, если это он? Я не одета, рука у меня дрожит, сердце колотится. Я спросила горничную, знает ли она, кто у мамы. «Да это же господин К***», – ответила она и засмеялась. Ах, кажется, это он! Я скоро вернусь и сообщу тебе, что произошло. Вот, во всяком случае, его имя. Нельзя заставлять себя ждать. Прощай, на одну минутку.

Как ты станешь смеяться над бедняжкой Сесилью! О, как мне было стыдно! Но и ты попала бы так же, как я. Когда я вошла к маме, рядом с ней стоял какой-то господин в черном. Я поклонилась ему, как умела лучше, и застыла на месте. Можешь себе представить, как я его разглядывала! «Сударыня, – сказал он маме, Ответив на мой поклон, – какая прелестная у вас барышня, и я больше чем когда-либо ценю вашу доброту». При этих сло-

---

² Воспитанница того же монастыря.

³ *In flocchi* (итал.) – в парадном туалете.

⁴ *Пансионерка*. – При отсутствии светской школы для детей дворян сыновья их обычно получали образование в иезуитских коллежах или же дома, тогда как дочери отдавались на воспитание и обучение в женские монастыри, где и находились в течение ряда лет на полном содержании (на средства родителей – откуда и термин «пансион»). Это не налагало никаких монашеских обязанностей; однако девушке из дворянской семьи, которую из-за отсутствия приданого или по каким-либо порочащим причинам родные не могли или не хотели выдать замуж (и которая тем самым лишалась средств к существованию), обычно не оставалось иного выхода, как пострижение в монахини, нередко в том же монастыре, где она и воспитывалась.

⁵ Привратница монастыря.

вах, столь недвусмысленных, я задрожала так, что едва удержалась на ногах, и тут же опустилась в первое попавшееся кресло, вся красная и ужасно смущенная. Не успела я сесть – смотрю, человек этот у моих ног. Тут уж твоя несчастная Сесиль совсем потеряла голову. Я, как мама говорит, просто ошалела: вскочила с места, да как закричу... ну совсем, как тогда, в ту страшную грозу. Мама расхохоталась и говорит мне: «Что с вами? Сядьте и дайте этому господину снять мерку с вашей ноги». И правда, милая моя, господин-то оказался башмачником! Не могу и передать тебе, какой меня охватил стыд; к счастью, кроме мамы, никого не было. Думаю, что, когда я выйду замуж, то пользоваться услугами этого башмачника не стану. Согласись, что мы необыкновенно искусно разбираемся в людях. Прощай, уже скоро шесть, и горничная говорит, что пора одеваться. Прощай, дорогая Софи, я люблю тебя так, словно еще нахожусь в монастыре.

P.S. Не знаю, с кем переслать письмо; подожду уж прихода Жозефины.

Париж, 3 августа 17...

Письмо 2

От маркизы де Мартей к виконту де Вальмону в замок ***

Возвращайтесь, любезный виконт, возвращайтесь. Что вы делаете и что вам вообще делать у старой тетки, уже завещавшей вам все свое состояние? Уезжайте от нее немедленно; вы мне нужны. Мне пришла в голову замечательная мысль, и я хочу поручить вам ее осуществление. Этих немногих слов должно быть вполне достаточно, и вы, бесконечно польщенный моим выбором, должны были бы уже лететь ко мне, чтобы коленопреклоненно выслушивать мои приказания. Но вы злоупотребляете моей благосклонностью даже теперь, когда она вам уже не нужна. Мне же остается выбирать между постоянным ожесточением против вас и беспредельной снисходительностью, и, на ваше счастье, доброта моя побеждает. Поэтому я хочу раскрыть вам свой план, но поклянитесь мне, что, как верный мой рыцарь, не будете затевать никаких других походов, пока не доведете до конца этого. Оно достойно героя: вы послужите любви и мести. Это будет лишнее *шалопайство*,⁶ которое вы внесете в свои мемуары: да, в свои мемуары, ибо я желаю, чтобы они были в один прекрасный день напечатаны, и даже готова сама написать их. Но довольно об этом – вернемся к тому, что меня сейчас занимает.

Госпожа де Воланж выдает свою дочь замуж; пока это еще тайна, но мне она ее вчера сообщила. И как вы думаете, кого она наметила себе в зятя? Графа де Жеркура. Кто бы мог предположить, что я стану кузиной Жеркура? Я просто вне себя от бешенства... И вы еще не догадываетесь? Этаким тяжелодум! Неужто вы простили ему интендантшу? А у меня-то разве не больше причин пенять на него, чудовище вы этакое!⁷ Но я готова успокоиться – надежда на мщение умиротворяет мою душу.

И меня и вас Жеркур без конца раздражал тем, что он придает своей будущей жене такое значение, а также глупой самонадеянностью, заставляющей его думать, что он избегнет неизбежного. Вам известно его нелепое предубеждение в пользу монастырского воспитания и еще более смехотворный предрассудок насчет какой-то особой скромности блондинок. Я, право, готова побиться об заклад: хотя у маленькой Воланж шестьдесят тысяч ливров дохода, он никогда не решился бы на этот брак, будь она брюнеткой и не получи воспитания в монастыре. Докажем же ему, что он просто-напросто дурак: ведь рано или поздно он все равно окажется дураком, и не это меня смущает, но было бы забавно, если бы с этого началось. Как бы мы потешались на другой день, слушая его хвастливые рассказы, а уж хвастать-то он будет непременно! Вдобавок эту девочку просветите вы, и нам уж очень не повезло бы, если бы Жеркур, как и всякий другой, не стал в Париже притчей во языцех.

Впрочем, героиня этого нового романа заслуживает с вашей стороны всяческих стараний. Она и впрямь хорошенькая; красотке всего пятнадцать – настоящий бутон розы. Правда, донельзя неловка и лишена каких бы то ни было манер. Но вас, мужчин, подобные вещи не смущают. Зато у нее томный взгляд, который сулит многое. Добавьте к этому, что ее рекомендую я, и вам останется только поблагодарить меня и повиноваться.

---

⁶ Слова «шалопай, шалопайство», которые в хорошем обществе, к счастью, уже выходят из употребления, были в большом ходу, когда писались эти письма.

⁷ Для понимания этого места надо иметь в виду, что граф де Жеркур бросил маркизу де Мертей ради интендантши де***, которая для него пожертвовала виконтом де Вальмоном, и что именно тогда маркиза и виконт сошлись. Так как история эта имела место гораздо раньше событий, о которых идет речь в этих письмах, всю относящуюся к ней переписку мы предпочли здесь не помещать.

Письмо это вы получите завтра утром. Я требую, чтобы завтра же в семь часов вечера вы были у меня. До восьми я никого не буду принимать, даже ныне царствующего кавалера: для такого большого дела у него не хватит ума. Как видите, я отнюдь не ослеплена любовью. В восемь часов я отпущу вас, а в десять вы вернетесь ужинать с прелестным созданием, ибо мать и дочь у меня ужинают. Прощайте, уже за полдень, и скоро мне будет не до вас.

Париж. 4 августа 17...

ПИСЬМО 3

От Сесили Воланж к Софи Карне

Я еще ничего не знаю, дорогая моя! Вчера у мамы было за ужином много гостей. Хотя я и наблюдала с интересом за всеми, особенно за мужчинами, мне было очень скучно. Все – и мужчины, и женщины – внимательно разглядывали меня, а потом шушукались; я отлично видела, что говорили обо мне, и краснела – никак не могла с собой справиться. А мне бы очень хотелось этого, я ведь заметила, что, когда глядели на других женщин, те не краснели. А может быть, это их румяна скрывают краску смущения, – очень уж, должно быть, трудно не покраснеть, когда на тебя пристально смотрит мужчина.

Больше всего меня беспокоила невозможность узнать, что обо мне думают. Впрочем, кажется, раза два-три я расслышала слово *хорошенькая*, но также – и очень ясно – слово *неловкая*. Должно быть, это правда, ибо женщина, которая так сказала, родственница и приятельница мамы. Кажется, она даже сразу почувствовала ко мне расположение. Она – единственная, кто в этот вечер немного со мной поговорил. Завтра мы у нее ужинаем.

Слышала я также после ужина, как один мужчина сказал другому – я убеждена, что речь шла обо мне: «Потерпим, пока созреет, зимой посмотрим». Может быть, это как раз тот, который должен на мне жениться. Но, значит, это произойдет только через четыре месяца! Хотела бы я знать правду.

Вот и Жозефина, она говорит, что ей надо спешить. Но мне все же хочется рассказать тебе, как я допустила одну *неловкость*. О, кажется, та дама права!

После ужина сели играть в карты. Я под села к маме и – сама уж не знаю, как это случилось, – почти тотчас же заснула. Разбудил меня взрыв хохота. Не знаю, надо мной ли смеялись, но думаю, что надо мной. Мама разрешила мне удалиться, чему я была ужасно рада. Представь себе, был уже двенадцатый час. Прощай, дорогая моя Софи, люби, как прежде, свою Сесиль. Уверю тебя, что свет вовсе не так занимателен, как нам казалось.

Париж, 4 августа 17...

ПИСЬМО 4

От виконта де Вальмона к Маркизе де Мертей в Париже

Приказания ваши – прелестны, а еще милее то, как вы их даете. Вы способны внушить любовь к деспотизму. Как вы сами знаете, я уже не впервые сожалею, что перестал быть вашим рабом. И каким бы «чудовищем» я, по вашим словам, ни был, я никогда не вспоминаю без удовольствия время, когда вы благосклонно давали мне более нежные имена. Порою даже я хотел бы снова заслужить их и в конце концов совместно с вами явить свету пример постоянства. Но нас призывают более важные цели. Удел наш – побеждать, мы должны ему покориться. Быть может, в конце жизненного пути мы с вами опять встретимся. Ибо, не в обиду будь вам сказано, прекраснейшая моя маркиза, вы от меня, во всяком случае, не отстаёте. И с тех пор, как мы, расставшись для блага мира, проповедуем раздельно друг от друга истинную веру, сдаётся мне, что как миссионер любви вы обратили больше людей, чем я. Мне известны ваше рвение, ваше пламенное усердие, и если бы бог любви судил нас по делам нашим, вы стали бы когда-нибудь святой покровительницей какого-нибудь большого города, в то время как друг ваш сделался – самое большое – деревенским праведником. Подобные речи удивляют вас, не правда ли? Но я уже целую неделю не слышу других и не говорю по-иному. И дабы усовершенствоваться в них, я вынужден пойти наперекор вам.

Не гневайтесь и выслушайте меня. Вам, хранительнице всех тайн моего сердца, доверю я величайший из задуманных мною замыслов. Что вы мне предлагаете? Соблазнить девушку, которая ничего не видела, ничего не знает, которая была бы, так сказать, выдана мне беззащитной. Первые же знаки внимания опьянят ее, а любопытство завлечет, может быть, еще быстрее любви. Кто угодно преуспел бы в этом деле не хуже меня. Не таково предприятие, которое я сейчас замыслил. Любовь, сплетающая мне венок, колеблется между миртом и лавром, а вернее всего – соединит их, чтобы увенчать мое торжество. Вы сами, прекрасный мой друг, охвачены будете благоговейным уважением и в восторге произнесете: «Вот мужчина, который мне по сердцу!»

Вы знаете президентшу⁸ Турвель – ее набожность, любовь к супругу, строгие правила. Вот на кого я посягаю, вот достойный меня противник, вот цель, к которой я устремляюсь.

И если не дано мне будет обладанье,
Я обретаю честь хоть в прелести дерзанья.

Можно привести и плохие стихи, когда они принадлежат великому поэту.⁹

Знайте же, что президент в Бургундии, где ведет большой судебный процесс (надеюсь, что мне он проиграет еще более важную тяжбу). Его безутешная половина должна провести здесь весь срок своего горестного соломенного вдовства. Единственными развлечениями

---

⁸ *Президент, президентша.* – Госпожа де Турвель является женой председателя одной из палат какого-либо из провинциальных парламентов, то есть одного из высших судебно-административных органов дореволюционной Франции. Благодаря системе покупки должностей, ставшей наследственной привилегией, члены парламентов (советники палат, президенты и т. п.) превращались в замкнутую касту – «дворянство мантии». По образованности и политическому влиянию они подчас стояли выше родовой аристократии или военно-служилой знати («дворянства шпаги»). Но по своим более строгим нравам были патриархальнее, отличаясь и по хозяйственному укладу. Вопросы нравственности, и, в частности, религиозное благочестие, волновавшие французское общество с середины XVII века (Паскаль, Расин), имели своей питательной средой именно эти круги.

⁹ Лафонтену.

ями должны были служить ей ежедневная обедня, немногочисленные посещения бедняков здешней округи, благочестивые беседы с моей старой тетушкой да изредка унылая партия в вист. Я же готовлю ей кое-что позанимательней. Мой добрый ангел привел меня сюда на ее и на мое счастье. А мне, безумцу, жаль было тех двадцати четырех часов, которыми я должен был пожертвовать приличия ради! Каким наказанием была бы для меня теперь необходимость вернуться в Париж! К счастью, играть в вист можно лишь вчетвером, а так как здесь для этого имеется лишь местный священник, моя бессмертная тетушка настоятельно просила; меня пожертвовать ей несколькими днями. Вы догадываетесь, что я согласился. Вы и не представляете себе, как она ухаживает за мною с тех пор и в особенности как радуется, что я неизменно сопровождаю ее к обедне и на другие церковные службы. Она и не подозревает, какому божеству я там поклоняюсь.

Итак, вот уже четыре дня, как я одержим сильной страстью. Вы знаете, как пылко я умею желать, с каким неистовством преодолеваю препятствия, но вы не знаете, как одиночество распаляет желания! У меня теперь лишь одна мысль. Лишь об одном думаю я целый день, и оно же снится мне ночью. Я во что бы то ни стало должен обладать этой женщиной, чтобы не оказаться, в смешном положении влюбленного, ибо до чего только не доведет неудовлетворенное желание! О сладостное обладание, взываю к тебе ради моего счастья, а еще больше ради моего покоя! Как счастливы мы, что женщины так слабо защищаются! Иначе мы были бы лишь жалкими их рабами. Сейчас я полон чувства признательности ко всем доступным женщинам, что, естественно, влечет меня к вашим ногам. Припадаю к ним, вымаливая себе прощение, и на этом же кончаю мое слишком затянувшееся письмо. Прощайте, прекраснейший друг мой, и не гневайтесь!

Из замка *** 5 августа 17...

Письмо 5

От маркизы де Мертей к виконту де Вальмону

Знаете ли вы, виконт, что письмо ваше донельзя дерзко и что я имела бы все основания рассердиться? Однако оно ясно доказало мне, что вы потеряли голову, и только это спасло вас от моего гнева. Как великодушный и чуткий друг, я забываю о своей обиде и думаю лишь об угрожающей вам опасности. И как ни скучно читать наставления, я готова на это – так они вам в настоящий момент необходимы.

Вам обладать президентшей Турвель! Какая смешная причуда! Узнаю вашу взбалмошность, которая всегда побуждает вас желать то, что кажется вам недоступным. Что же представляет собой эта женщина? Да, если угодно, – у нее правильные черты лица, но без всякой выразительности, она довольно хорошо сложена, но в ней нет изящества, она всегда смешотворно одевается, с вечной косынкой на груди, закрывающей ее до самого подбородка. Скажу вам как друг: и одной такой женщины достаточно, чтобы вы совершенно пали в глазах общества. Припомните тот день, когда она собирала пожертвования в церкви святого Роха и когда вы еще благодарили меня за доставленное вам зрелище. Я так и вижу ее под руку с этим длинноволосым верзилой – как она чуть не падает на каждом шагу, все время задевая кого-нибудь за голову своей четырехаршинной корзиной, и краснеет при каждом поклоне. Кто бы подумал тогда, что вы воспылаете к этой женщине желанием? Ну же, виконт, покраснейте в свою очередь и придите в себя. Обещаю вам, что никому ничего не расскажу.

И вдобавок – подумайте, какие неприятности вас ожидают! С каким соперником придется вам тягаться! С мужем! Разве не ощущаете вы себя униженным при одном этом слове? Какой позор, если вы потерпите неудачу! И как мало славы даст вам победа! Больше того: и наслаждений никаких не ждите. Разве получишь их с недотрогой? Я имею в виду искренних недотрог, которые скромничают даже в самый миг наслаждения и не дают вам вкусить всю полноту блаженства. Им неведомы такие радости любви, как полное самозабвение, как то исступление сладострастия, когда наслаждение как бы очищается в самой своей чрезмерности. Могу вам предсказать: в самом лучшем случае ваша президентша возомнит, что все для вас сделала, обращаясь с вами как с мужем, а между тем даже в наинужнейшем супружеском единении полного слияния с любимым существом никогда не бывает. Данный же случай гораздо хуже: ваша недотрога еще и святоша, притом у нее, словно у женщин из простонародья, набожность, обрекающая на вечное детство. Может быть, вам и удастся преодолеть это препятствие, но не льстите себя надеждой, что сможете его уничтожить: победив в ней любовь к богу, вы не справитесь со страхом перед дьяволом. И когда, держа любовницу в объятиях, вы ощутите трепет ее сердца, это будет дрожь не любви, а страха. Может быть, вы и смогли бы сделать что-нибудь из этой женщины, если бы узнали ее раньше; но ей двадцать два года, и она замужем уже около двух лет. Поверьте мне, виконт, если женщина до такой степени засохла, ее надо предоставить самой себе: она навсегда останется совершенной *посредственностью*.

А между тем ради столь привлекательного предмета вы не хотите повиноваться мне, хороните себя в склепе вашей тетушки и отказываетесь от очаровательнейшего приключения, в котором можете показать себя самым блестящим образом. Какой же рок судил, чтобы Жеркур всегда имел перед вами преимущество? Поверьте, я говорю с вами без малейшего раздражения, но в настоящую минуту мне и впрямь сдается, что вы не заслуживаете своей

славы, а главное – что-то толкает меня отказать вам в доверии. Никогда не решусь я поверять свои тайны любовнику госпожи де Турвель.

Знайте, однако, что маленькая Воланж уже вскружила одну голову. Юный Дансени без ума от нее. Они пели дуэтом, и, по правде сказать, она поет лучше, чем обычно поют пансионерки. Они собираются разучить много дуэтов, и, кажется, она не отказалась бы от унисона; но этот Дансени еще мальчик, который только потеряет время на бесплодное ухаживание и останется ни с чем. С другой стороны – молодая особа довольно дика, и при всех обстоятельствах это будет гораздо менее забавным, чем было бы, вмешайся в это дело вы. Поэтому я крайне раздосадована и, наверно, поссорюсь с кавалером, когда он ко мне придет. Пусть он проявит кротость, ибо в данный момент мне ничего не стоит порвать с ним. Я уверена, что, осени меня благое намерение решиться на разрыв, он пришел бы в отчаяние, а ничто так не тешит меня, как отчаяние влюбленного. Он назвал бы меня «изменницей», а это слово всегда доставляло мне удовольствие. После слова «жестокая» оно для женского слуха всего приятнее, а заслужить его стоит гораздо меньше труда. Право же, я займусь этим разрывом. Вот, однако, чему вы оказались причиной! Пускай все это и будет на вашей совести. Прощайте. Попросите вашу президентшу, чтобы она помолилась и за меня.

Париж, 7 августа 17...

Письмо 6

От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей

Нет, значит, ни одной женщины, которая, добившись власти, не стала бы ею злоупотреблять! И даже вы, которую я так часто называл своим снисходительным другом, вы тоже перестали им быть и решаетесь нападать на меня, хуля предмет моей страсти! Какими чертами осмеливаетесь вы рисовать госпожу де Турвель!.. Нет мужчины, которому за подобный дерзостный вызов не пришлось бы заплатить жизнью! Кроме вас, нет ни одной женщины, которую за это же самое я не постарался бы хотя бы очернить! Молю вас, не подвергайте меня больше столь жестоким испытаниям: я не уверен, что выдержу их. Во имя нашей дружбы, перестаньте злословить об этой женщине хотя бы до тех пор, пока она не станет моей. Или вы не знаете, что одно лишь наслаждение властно снять повязку с очей любви?

Но что я говорю? Разве госпожа де Турвель нуждается в том, чтобы приукрашивать ее воображением? Нет, чтобы быть прелестной, ей достаточно оставаться самой собой. Вы упрекаете ее за то, что она плохо одета, – ну и что же, всякий наряд ей только вредит, всякий покров ее только портит. Подлинно обаятельна она в небрежной утренней одежде. Благодаря стоящей здесь изнурительной жаре легкое домашнее платье из полотна дает мне возможность видеть ее округлый и гибкий стан. Грудь ее прикрывает лишь кисея, и мой беглый, но пронизательный взор уловил уже восхитительные формы. Вы говорите, что лицо ее лишено выражения? А что ему выражать, пока сердце ее ничем не затронуто? Да, конечно, у нее нет лживой ужимки наших кокеток, порою соблазняющей нас и всегда обманчивой. Она не умеет прикрывать заученной улыбкой пустоту какой-нибудь фразы, и хотя у нее отличнейшие зубы, она смеется лишь тому, что ее действительно забавляет. Но надо видеть, образ какой простодушной, искренней веселости являет она нам в резвых играх! Сколько чистой радости сострадания и доброты в ее взгляде, когда она спешит оказать помощь страждущему! В особенности же надо видеть, как при малейшем намеке на ласковое слово или похвалу небесное лицо ее вспыхивает трогательным смущением непритворной скромности! Она недотрога, она набожна, и на этом основании вы считаете ее холодной и бездушной? Я держусь совершенно иного мнения. Сколько же надо иметь самой изумительной чувствительности, чтобы распространять ее даже на мужа и неизменно любить существо, постоянно находящееся в отсутствии? Можно ли требовать лучшего доказательства? А ведь я сумел его получить.

На нашей совместной прогулке я повел ее таким образом, что пришлось перебираться через ров. И хотя она очень проворна, робости в ней еще больше. Вы сами знаете, что недотроги боятся сделать смелый шаг.¹⁰ Пришлось ей довериться мне. Я держал в своих объятиях эту скромницу. Наши приготовления и переправа моей старой тетушки вызвали у резвой недотроги взрывы хохота, но когда я взял ее на руки и сделал рассчитано неловкое движение, руки наши соединились. Я прижал ее грудь к своей и в этот краткий миг почувствовал, что сердце ее забилося сильнее. Прелестный румянец окрасил ее щеки, и это робкое смущение достаточно ясно показало мне, *что сердце ее затрепетало от любви, а не от страха*. Тетушка моя, однако, ошиблась, подобно вам, и стала говорить: «Девочка-то испугалась», но очаровательная непосредственность этой «девочки» не позволила ей солгать, и она простодушно ответила: «Да нет, но...» Одно это слово сказало мне все. С этой минуты жестокое

---

¹⁰ Здесь запечатлелось дурного вкуса пристрастие к каламбурам, в то время только зарождавшееся и столь распространенное в наши дни.

волнение сменилось у меня сладостной надеждой. Эта женщина станет моей, я отниму ее у мужа, он только оскверняет ее; я дерзнул бы отнять ее у самого бога, которого она так возлюбила. Какое наслаждение то вызывать в ней угрызения совести, то побеждать их. Я и не помышляю о том, чтобы сокрушить смущающие ее предрассудки! Они только увеличат мое счастье и мою славу. Пусть она верит в добродетель, но пусть пожертвует ею ради меня. Пусть грех ужасает ее, будучи не в силах сдержаться, и пусть, все время находясь во власти страха, она забывает, преодолевает его только в моих объятиях. И пусть – я на это согласен – она мне скажет тогда: «Обожаю тебя!» Из всех женщин лишь она одна достойна будет произнести эти слова. Поистине, я стану тем божеством, которое она предпочтет.

Будем же откровенны: в наших связях, столь же холодных, сколь и мимолетных, то, что мы именуем счастьем, – всего лишь удовольствие. Сказать вам правду? Я думал, что сердце мое уже увяло, и, находя в себе одну лишь чувственность, сетовал на то, что преждевременно постарел. Госпожа де Турвель возвратила мне прелестные иллюзии молодости. Подле нее мне не нужно обладания, чтобы ощущать себя счастливым. Единственное, что пугает меня, – время, которое займет это приключение, ибо я не решаюсь хоть в чем-либо довериться случайности. Напрасно припоминаю я свою удачливую дерзновенность, – я не могу решиться на нее. Для того чтобы я был счастлив, надо, чтобы возлюбленная сама отдалась мне, а добиться этого не так-то легко.

Я убежден, что вы восхитились бы моей осторожностью. Я еще не произносил слова «любовь», но мы уже говорили о «доверии» и «участии». Чтобы как можно меньше обманывать ее и в особенности чтобы на нее не подействовали всевозможные слухи обо мне, я сам, как бы обвиняя себя, рассказал ей кое-что из наиболее известных моих похощений. Вы повеселились бы, видя, с каким простодушием она читает мне проповеди. Она уверяет, что хочет меня «обратить», но не подозревает даже, чего будет ей стоить эта попытка. Она далека от мысли, что, «вступаясь», как она выражается, «за несчастных, которых я погубил», она заранее оплакивает самое себя. Эта мысль пришла мне в голову вчера во время одной из ее проповедей, и я не смог отказать себе в удовольствии перебить ее, уверяя, что она говорит, как настоящий пророк. Прощайте, прекраснейший друг мой. Как видите, я еще не безвозвратно погиб.

P.S. Кстати, а бедняга кавалер не покончил с собой от отчаяния? Поистине, вы в сто раз бессердечнее меня, и я чувствовал бы себя униженным, если бы обладал самолюбием.

Из замка***, 9 августа 17...

Письмо 7

От Сесили Воланж к Софи Карне¹¹

Если я ничего не говорила о моем замужестве, то потому, что мне известно о нем не больше, чем в первый день. Я привыкаю не раздумывать о нем и довольно легко применяюсь к своему образу жизни. Много времени посвящаю пению и игре на арфе: мне кажется, я гораздо больше люблю эти занятия с тех пор, как обхожусь без учителя, вернее, с тех пор, как у меня появился лучший учитель. Кавалер Дансени, тот господин, о котором я тебе писала и с которым пела у госпожи де Мертей, настолько любезен, что приходит к нам ежедневно и целыми часами поет со мной. Он до крайности мил и сам сочиняет прелестные арии, к которым придумывает и слова. Как жаль, что он мальтийский рыцарь! Я думаю, что, если бы он женился, жена его была бы очень счастлива... Он так восхитительно ласков. Казалось бы, комплиментов он никогда не говорит, а между тем в каждом слове его есть что-то лестное для тебя. Он беспрестанно делает мне замечания и по поводу музыки, и насчет всяких других вещей, но в его критике столько участия и веселости, что невозможно не быть ему благодарной. Даже когда он просто смотрит на тебя, это имеет такой вид, будто он делает тебе что-то приятное. Вдобавок он весьма обязателен. Вчера, например, его приглашали на большой концерт, а он предпочел провести весь вечер у мамы, – меня это очень обрадовало, так как в его отсутствие никто со мной не разговаривает и я скучаю. Зато с ним мы поем и беседуем. У него всегда находится что мне сказать. Он и госпожа де Мертей – единственные приятные мне люди. Но прощай теперь, милая моя подружка, я обещала, что к сегодняшнему дню разучу одну маленькую арию с очень трудным аккомпанементом, и не хочу изменить своему слову. Буду заниматься до самого его прихода.

Из ***, 7 августа 17...

---

¹¹ Чтобы не злоупотреблять терпением читателя, мы исключаем из этой каждодневной переписки множество писем: публикуются лишь те, что казались нам необходимыми для понимания событий, происходивших в данном кружке. По той же причине исключаются все письма Софи Карне и многие другие письма действующих лиц этих приключений.

Письмо 8

От президентши де Турвель к Госпоже де Воланж

Я бесконечно тронута, сударыня, доверием, которое вы мне оказали, и всей душой заинтересована в устройстве судьбы мадемуазель де Воланж. От всего сердца желаю ей счастья, которого она – я в этом уверена – вполне достойна и которое, несомненно, обеспечит ей ваша предусмотрительность. Я не знаю графа де Жеркура, но, поскольку вы оказали ему честь остановить на нем свой выбор, я могу иметь о нем лишь самое высокое мнение. Ограничиваюсь, сударыня, пожеланием, чтобы брак этот был столь же счастливым и удачным, как и мой, который тоже ведь был делом ваших рук, за что я с каждым днем вам все более благодарна. Пусть счастье вашей дочери будет наградой за то, которое вы дали мне, и пусть вы, лучший друг, окажетесь также счастливейшей матерью!

Я до крайности огорчена, что не имею возможности лично высказать вам это искреннейшее мое пожелание и познакомиться так скоро, как мне бы этого хотелось, с мадемуазель де Воланж. Вы отнеслись ко мне с добротой поистине материнской, и я имею право надеяться с ее стороны на нежную дружбу сестры. Прошу вас, сударыня, передать ей это от моего имени, пока у меня не окажется возможность самой заслужить ее дружбу.

Я думаю пробыть в деревне, пока господин де Турвель будет отсутствовать, и в течение этого времени постараюсь как можно лучше воспользоваться и насладиться обществом почтенной госпожи де Розмонд. Эта женщина неизменно очаровательна: преклонный возраст не повредил ей ни в чем – она сохранила всю свою память и жизнерадостность. Пусть телу ее семьдесят четыре года, душе – не более двадцати.

Уединение наше оживляется присутствием ее племянника, виконта де Вальмона, который любезно согласился пожертвовать ради нас несколькими днями. Я знала о нем лишь по слухам, а они не слишком располагали меня стремиться к более близкому знакомству. Но сейчас мне кажется, что он лучше славы, которая о нем пошла. Здесь, где его не портит светская суэта, он с удивительной искренностью ведет разумные речи и с редким чистосердечием признает свои заблуждения. Он говорит со мною очень откровенно, а я читаю ему строгую мораль. Вы знаете его, и потому согласитесь, что обратить его на путь истинный было бы большим успехом, но я не сомневаюсь, что, несмотря ни на какие клятвы, стоит ему провести одну неделю в Париже, и он забудет все мои проповеди. Во всяком случае, он хоть во время пребывания здесь будет воздерживаться от обычного своего поведения, я же полагаю, что, судя по его образу жизни, лучшее, что он может сделать, это – не делать ничего. Он знает, что я вам пишу, и просит меня засвидетельствовать вам свое уважение. Примите также с обычной вашей добротой и мой сердечный привет и не сомневайтесь в искренних чувствах, с которыми я имею честь... и т. д.

Из замка ***, 9 августа 17...

Письмо 9

От госпожи де Воланж к президентше де Турвель

Я никогда не сомневалась, мой юный и прелестный друг, ни в дружеских чувствах, которые вы ко мне питаете, ни в искреннем участии вашем ко всему, что меня касается. И не для того, чтобы внести ясность в эти наши отношения, которые, надеюсь, не вызывают сомнений, отвечаю я на ваш «ответ», но для меня просто невозможно не поговорить с вами о виконте де Вальмоне.

Признаюсь, я не ожидала, что когда-либо встречу это имя в ваших письмах. Ну что, скажите, может быть общего между вами и им? Вы не знаете этого человека. Да и откуда может быть у вас представление о душе распутника? Вы говорите о его *редком чистосердечии* – о да, чистосердечие Вальмона должно быть, действительно, вещью очень редкой! Он еще более фальшив и опасен, чем любезен и обаятелен, и никогда с самой своей юности он не сделал ни одного шага, не произнес ни одного слова, не имея при этом какого-либо умысла, и никогда не было у него такого умысла, который не явился бы бесчестным или преступным. Друг мой, вы меня знаете. Вам известно, что из всех добродетелей, которыми мне хотелось бы обладать, снисходительность – самая в моих глазах ценная. Поэтому, если бы Вальмона увлекали бурные страсти, если бы он, как многие другие, подпал соблазну заблуждений, свойственных его возрасту, я, порицая его поведение, чувствовала бы к нему жалость и спокойно ждала бы дня, когда счастливое раскаяние вернуло бы ему уважение порядочных людей. Но Вальмон отнюдь не таков: поведение его вытекает из принятых им правил. Он умело рассчитывает, сколько гнусностей может позволить себе человек, не скомпрометировав себя, и, чтобы иметь возможность быть жестоким и злым, не подвергаясь при этом опасности, жертвами своими делает женщин. Я не намерена перечислять всех тех, кого он соблазнил, но скольких он погубил?

Вы ведете жизнь уединенную и скромную, и молва обо всех этих скандальных похождениях до вас не доходит. Я могла бы рассказать вам вещи, от которых вы содрогнулись бы. Но взор ваш, такой же чистый, как и душа, был бы загрязнен подобными картинками. Однако я уверена, что Вальмон никогда не будет вам опасен и для защиты от него вы в таком оружии не нуждаетесь. Единственное, что я должна вам сказать: из всех женщин, за которыми он успешно или безуспешно ухаживал, не было ни одной, которой не пришлось бы об этом сожалеть. Исключением из этого правила является лишь маркиза де Мертей: только она сумела дать ему отпор и укротить его злонравие. Признаюсь, что, на мой взгляд, именно это делает ей больше всего чести. Вот почему этого и оказалось достаточно, чтобы полностью извинить в глазах всего общества известное легкомыслие, в котором ее стали обвинять сразу после того, как она овдовела.¹²

Как бы то ни было, прелестный друг мой, опытность и прежде всего дружеские чувства к вам дают мне право предупредить вас: в обществе уже заметили отсутствие Вальмона, и если станет известным, что некоторое время он пробыл втроем со своей тетушкой и с вами, ваше доброе имя будет в его руках, а это – величайшее несчастье, какое только может постигнуть женщину. Поэтому я советую вам убедить его тетушку не удерживать его долее, а если он будет упорствовать в стремлении остаться, думаю, что вы, не колеблясь, должны уступить ему место. Но для чего бы ему оставаться? Что ему делать в этой деревне?

---

¹² Заблуждение госпожи де Воланж свидетельствует о том, что, подобно другим негодьям, Вальмон не выдавал своих сообщников.

Я убеждена, что, понаблюдав и последив за ним, вы обнаружили бы, что он просто-напросто избрал самое удобное убежище для того, чтобы осуществить в тех местах какую-нибудь задуманную им низость. Но, не имея возможности предотвратить зло, удовольствуемся тем, что убережемся от него сами.

Прощайте, прелестный друг мой. Замужество моей дочери несколько запаздывает. Мы со дня на день ожидали графа де Жеркура, но он известил меня, что его полк направлен на Корсику, а так как военные действия еще не вполне закончены, он не сможет отлучиться до зимы. Это досадно, но зато я могу надеяться, что мы будем иметь удовольствие видеть вас на свадьбе, а я была бы очень огорчена, если бы она состоялась без вас. Прощайте и примите уверения в моей нелицемерной совершенной преданности.

P.S. Передайте мой привет госпоже де Розмонд, которую я люблю, как она того вполне заслуживает.

Из***, 11 августа 17...

Письмо 10

От маркизы де Мертей к виконту де Вальмону

Уж не дуетесь ли вы на меня, виконт? Или вы умерли? Или – что весьма вероятно – вы живете только для вашей президентши? Эта женщина, вернувшая вам *иллюзии юности*, вернет вам скоро и ее смехотворные предрассудки. Вы уже стали несмелым рабом; почему бы не стать влюбленным воздыхателем? Вы отказываетесь от удачливой дерзости, и вот теперь уже действуете безо всяких правил, положившись на волю случая, или, вернее, прихоти. Или вы забыли, что любовь, подобно медицине, есть всего-навсего *искусство помогать* природе? Как видите, я побиваю вас вашим же оружием, но отнюдь не собираюсь возгордиться, ибо это поистине значило бы бить лежачего. «Надо, чтобы она сама отдалась», – говорите вы мне. Ну, разумеется, надо. Она и отдастся, как все прочие, с тою лишь разницей, что сделает это неохотно. Но чтобы она под конец отдалась, самое верное средство – начать с того, чтобы взять ее. Нелепое это различие есть самый что ни на есть настоящий бред влюбленности. Я так говорю, потому что вы явно влюблены. И говорить с вами иначе – значило бы предать вас, скрывать от вас, чем вы больны. Скажите же мне, томный воздыхатель, а те женщины, которых вы добивались, вы их, значит, брали силой? Но ведь как бы нам ни хотелось отдаться, как бы мы ни спешили это сделать, нужен все же предлог, а есть ли предлог более для нас удобный, чем тот, что позволяет нам изображать дело так, будто мы уступаем силе? Что до меня, то признаюсь, мне больше всего по сердцу быстрое и ловкое нападение, когда все происходит по порядку, хотя и достаточно быстро, так что мы не оказываемся в крайне неприятной необходимости самим исправлять неловкость, которою нам, напротив, следовало бы воспользоваться. Такое нападение позволяет нам казаться жертвами насилия даже тогда, когда мы добровольно уступаем и искусно потворствуем двум самым дорогим для нас страстям: славе сопротивления и радости поражения. Признаюсь также, что этот дар, гораздо более редкий, чем может казаться, всегда доставлял мне удовольствие, даже если не мог меня обольстить, и иногда мне случалось уступать исключительно в награду. Так в турнирах древних времен красота была наградой за доблесть и ловкость.

Но вы, переставший быть самим собой, вы ведете себя так, словно боитесь иметь успех. С каких это пор двигаетесь вы черепашьим шагом и окольными путями? Друг мой, чтобы добраться до цели, надо мчаться на почтовых и по большой дороге! Но оставим этот предмет – он тем более раздражает меня, что из-за него я лишена удовольствия видеться с вами. Вы хотя бы пишите мне почаще и ставьте меня в известность о своих успехах. Знаете ли вы, что нелепое это приключение занимает вас уже две недели и вы всем на свете пренебрегаете?

Кстати о пренебрежении – вы похожи на тех людей, которые регулярно посылают справляться о состоянии своих больных друзей, но никогда не выслушивают ответа. В своем последнем письме вы спрашивали, не скончался ли господин кавалер. Я не отвечаю, а вы и не думаете выказывать беспокойство. Разве вы позабыли, что мой любовник – ваш давнишний друг? Впрочем, не тревожьтесь, он отнюдь не умер, а если бы и умер, так от избытка радости. Бедняга кавалер! Как он ласков, как он поистине создан для любви, как он умеет пламенно чувствовать! У меня кружится голова. Право же, совершенное счастье, доставляемое ему моей любовью, действительно привязывает меня к нему.

Каким счастливым сделала я его в тот самый день, когда писала вам, что намерена разорвать наши отношения! А ведь я и впрямь обдумывала наилучший способ довести его

до отчаяния, когда мне о нем доложили. Игра ли моего воображения или действительно так было, – но он никогда еще не казался мне милее. Тем не менее я приняла его весьма немилостиво. Он надеялся провести со мной два часа до момента, когда моя дверь откроется для всех. Я же сказала ему, что собираюсь выйти из дому. Он спросил – куда. Я отказалась сообщить ему это. Он принялся настаивать. «Иду туда, где вас не будет», – сказала я с раздражением. К счастью для себя, он был ошеломлен этим ответом. Ибо, скажи он хоть слово, неизбежно последовала бы сцена, которая и привела бы к задуманному мною разрыву. Удивленная его молчанием, я бросила на него взгляд, без иной цели, клянусь вам, как увидеть его недовольную мину. Но на прелестном этом лице я обнаружила ту глубокую и вместе с тем нежную грусть, перед которой – вы сами это признали – так трудно бывает устоять. Одна и та же причина вызвала одно и то же следствие: я была вторично побеждена. С этого мгновения я стала думать лишь о том, как бы сделать так, чтобы он не нашел у меня ни одного недостатка. «Я иду по делу, – сказала я более ласково, – и даже по делу, касающемуся вас, но не спрашивайте меня. Я буду ужинать дома. Возвращайтесь к ужину – и все узнаете!» Тут он вновь обрел дар речи, но я не дала ему говорить. «Я очень тороплюсь, – продолжала я, – оставьте меня; до вечера». Он поцеловал мне руку и удалился.

Тут же, чтобы вознаградить его, а может быть, и самое себя, я решила познакомить его с моим маленьким домиком, о существовании которого он и не подозревал. Я позвала мою верную Виктуар, а всем домочадцам объявила, что у меня мигрень и что я легла в постель. Оставшись наедине с *настоящей* служанкой, я переделалась так, чтобы выдать себя за служанку, она же, надев мужской костюм, преобразилась в лакея. Затем она отправилась за наемным экипажем, который подъехал к калитке моего дома, и мы отправились. Очутившись в моем капище любви, я выбрала самый подходящий для любовного свидания туалет. Он восхитителен, и придумала его я сама: он ничего не подчеркивает, но на все намекает. Обещаю дать его вам на образец для вашей президентши, когда вы добьетесь того, что она станет достойной носить его.

После этих приготовлений, в то время как Виктуар занимается другими вещами, читаю главу из «Софы»,¹³ одно письмо Элоизы¹⁴ и две сказки Лафонтена, чтобы восстановить в памяти несколько оттенков тона, который намеревалась усвоить для данного случая. Между тем мой кавалер со своей обычной поспешностью подъезжает к дверям моего дома. Швейцар отказывает ему в приеме, ибо я больна, – происшествие первое. В то же время он передает ему записку от меня, но написанную не моей рукой, согласно принятым мною правилам предосторожности. Он распечатывает ее и обнаруживает почерк Виктуар: «Ровно в девять часов, на бульваре, против кафе». Он отправляется туда, и там маленький лакей, которого он не знает – или так, во всяком случае, ему кажется, ибо это все та же Виктуар, – объясняет ему, что он должен отпустить коляску и следовать за ним. Вся эта романтическая обстановка еще более горячит его воображение, а такая горячность никогда не вредит. Наконец, он у цели, окончательно замороженный изумлением и любовью. Чтобы дать ему прийти в себя, мы совершаем небольшую прогулку по боскету, затем я веду его в дом. Он видит сперва стол, накрытый на два прибора, затем раскрытую постель. Мы направились в будуар, представший перед ним во всей своей роскоши. Там, наполовину по задуманному плану, наполовину в искреннем порыве, я обняла его обеими руками и упала к его ногам. «О друг мой! – молвила я. – Мне так хотелось, чтобы ты вкусил всю неожиданность этой минуты, но зато теперь я должна раскаиваться в том, что огорчила тебя, для вида напуская на себя холодность, и – пусть лишь на миг – скрыла сердце мое от твоего взора. Прости мне эту вину:

¹³ «Софа» – эротико-сатирический роман французского писателя Кребийона Младшего (1707–1777).

¹⁴ Элоиза. – Имеется в виду знаменитый роман в письмах Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза». Повествуя в нем о любви плебея Сен-Пре и дворянки Юлии, Руссо восстает против преград, которые ставятся чувству общественными условностями и предрассудками, но признает, однако, преграды, которые воздвигает сознание нравственного долга.

я искуплю ее силой своей любви!» Вы сами можете судить о впечатлении, произведенном этой чувствительной речью. Осчастливленный кавалер тотчас же поднял меня, и мое прощение было скреплено на той же оттоманке, где мы с вами так весело и на тот же самый лад скрепили свое решение о нашем вечном разрыве.

Поскольку нам предстояло провести наедине целых шесть часов, а я поставила себе целью все это время сделать для него одинаково сладостным, я постаралась умерить его пыл и сменила нежность милым кокетством. Кажется, никогда еще я до такой степени не старалась понравиться и никогда не была так довольна собой. После ужина, изображая поочередно то ребячливость, то рассудительность, становясь то игривой, то чувствительной, а то даже и распутной, я забавлялась тем, что превращала его в султана среди серала, поочередно изображая самых различных одалисок. И в самом деле, неистощимые его ласки расточались всегда одной и той же женщине, но всякий раз иной любовнице.

Наконец, на рассвете надо было расстаться, и что бы он ни говорил, что бы он даже ни делал, стремясь доказать мне обратное, – отдых был ему столь же необходим, сколь и нежелателен. Когда мы уже выходили и в последний раз прощались, я взяла ключ от этого блаженного убежища и передала его ему со словами: «Я завела его только для вас, вам и владеть им: храмом должен располагать тот, кто приносит жертву». Этим ловким ходом я предупредила размышления, на которые могло навести его то всегда подозрительное обстоятельство, что у меня есть маленький домик. Я достаточно знаю его, чтобы быть вполне уверенной, что он воспользуется ключом лишь для встреч со мной, а если бы мне взбрело в голову отправиться туда без него, так у меня есть про запас второй ключ. Он во что бы то ни стало хотел условиться насчет следующего свидания, но сейчас он мне еще очень нравится, и я не хочу, чтобы он мне слишком скоро надоел. Излишества можно позволять себе лишь с теми, кого собираешься вскоре бросить. Ему это еще незнакомо, но, на его счастье, я знаю это за двоих.

Только сейчас я заметила, что уже три часа утра и что, собираясь нацарапать несколько слов, я написала целый том. Такова прелесть доверительной дружбы. Благодаря ей я до сих пор люблю вас больше всех, но, по правде говоря, по вкусу мне больше всего – кавалер.

Из ***, 12 августа 17...

Письмо 11

От президентши де Турвель к госпоже де Валанж

Ваше строгое письмо напугало бы меня, сударыня, если бы, к счастью, здесь у меня не было больше оснований для спокойствия, чем для опасений, которые вы мне стараетесь внушить. Сей устрашающий господин де Вальмон, являющийся, по-видимому, грозой всех женщин, сложил, кажется, свое смертоносное оружие, прежде чем вступил в этот замок. Он не только не строит здесь никаких планов, но и притязаний на это не имеет, и, хотя даже враги его признают, что он человек любезный, это качество здесь почти не проявляется, уступая место добродушной ребячливости. Чудо это, надо полагать, совершил деревенский воздух. Во всяком случае, могу вас уверить, что, хотя он постоянно находится в моем обществе, которое, видимо, ему приятно, у него не вырвалось ни одного слова о любви, ни одной из тех фраз, которые позволяет себе любой мужчина, не обладая даже, в противоположность ему, ничем, что их оправдывало бы. Никогда не вынуждает он меня к нарочитой сдержанности, к которой приходится прибегать каждой уважающей себя женщине, чтобы держать окружающих ее мужчин в границах. Он умеет не злоупотреблять веселостью, которую вызывает. Может быть, он слишком уж любит льстить, но льстит так деликатно, что и самое скромность мог бы приучить к похвалам. Словом, если бы я имела брата, то хотела бы, чтобы он был таким, каким выказывает себя здесь господин де Вальмон. Возможно, многие женщины предпочли бы, чтобы он проявлял больше галантности, и, должна сказать, я бесконечно благодарна ему за то, что он сумел достаточно хорошо судить обо мне, чтобы меня с такими женщинами не смешивать.

Разумеется, этот портрет весьма отличается от того, который нарисовали мне вы, но, несмотря на это, оба могут верно передавать сходство, если точно определить время, к какому каждый из них относится. Он сам признаёт за собою немало дурных поступков, кое-что ему зря приписано молвой. Но я видела мало мужчин, которые говорили бы о порядочных женщинах с большим уважением, я бы сказала – почти с восторгом. И вы сами написали мне, что на этот хотя бы счет он не ошибается. Доказательство – его поведение с госпожой де Мертей. Он много рассказывает нам о ней и всегда с такою похвалою и, видимо, с такой искренней привязанностью, что до получения вашего письма я считала это его чувство не дружбой, как он нас уверял, а любовью. Теперь я укоряю себя за столь смелое суждение, тем более для меня непростительное, что сам он старается представить свое чувство в истинном виде. Я – должна признаться – считала хитростью то, что было с его стороны благородной искренностью. Не знаю, но мне кажется, что человек, способный испытывать такую прочную дружбу к столь уважаемой женщине, не может быть нераскаянным распутником. Должны ли мы приписывать добропорядочность его нынешнего поведения каким-либо планам, которые, как вы думаете, он замышляет в нашей округе, – я понятия не имею. По соседству имеется несколько привлекательных женщин, но он мало отлучается из дому – преимущественно по утрам, и тогда он говорит, что ходил на охоту. Правда, дичь он приносит редко, но, по его словам, он не слишком удачливый охотник. Впрочем, меня мало беспокоит, чем он занимается за стенами замка; если бы мне и хотелось это знать, то лишь для того, чтобы иметь лишний повод склониться к вашему мнению или же склонить вас к моему.

Вы советуете мне содействовать тому, чтобы господин де Вальмон сократил срок своего пребывания здесь, но мне представляется весьма затруднительным просить его тетюшку не задерживать у себя племянника, тем более что она его очень любит. Однако я обещаю –

но исключительно из уважения к вам, а не в силу необходимости – воспользоваться подходящим случаем и попросить об этом либо ее, либо же его самого. Что до меня, то господину де Турвелю известно, что я решила оставаться здесь до его возвращения, и он был бы справедливо удивлен, если бы я так легко переменила решение.

Все эти разъяснения, сударыня, возможно, покажутся вам слишком длинными, но я считала, что правды ради должна дать благоприятный отзыв о господине де Вальмоне, который, на мой взгляд, в нем перед вами весьма нуждается. Однако это нисколько не уменьшает моей признательности за те дружеские чувства, которыми внушены ваши советы. Им обязана я и теми милыми словами, которые вы сказали мне в связи с отсрочкой замужества вашей дочки. Благодарю вас за них от всей души. Какое бы удовольствие ни сулила мне возможность провести это время с вами, я охотно пожертвовала бы им искреннему своему желанию поскорее узнать, что мадемуазель де Воланж обрела свое счастье, если, впрочем, она может обрести счастье большее, чем то, какое могла ей дать жизнь подле матери, столь достойной всей ее нежности, всего ее уважения. Я разделяю с ней оба эти чувства, так привязывающие меня к вам, и прошу вас благосклонно принять уверения в них. Имею честь и пр.

Из ***, 13 августа 17...

Письмо 12

От Сесили Воланж к маркизе де Мертей

Мама нездорова, сударыня; она не выходит, и я не могу ее оставить. Таким образом, я не буду иметь чести сопровождать вас в Оперу. Уверяю вас, меня больше огорчает то, что мне не удастся провести вечер с вами, чем то, что не увижу представления. Прошу вас не сомневаться в этом. Я вас так люблю! Не согласитесь ли вы передать господину кавалеру Дансени, что у меня нет сборника, о котором он мне говорил, и что, если он сможет занести его завтра, я буду очень рада. Если он зайдет сегодня, ему скажут, что нас нет дома, но это потому, что мама не хочет никого принимать. Надеюсь, завтра ей станет лучше.

Имею честь и пр.

Из ***, 13 августа 17...

Письмо 13

От маркизы де Мертей к Сесили Воланж

Я очень огорчена, милочка моя, что лишена удовольствия увидеть вас, и причиной этого лишения. Надеюсь, что подобная же возможность представится снова. Я передам ваше поручение кавалеру Дансени, который, без сомнения, будет крайне огорчен болезнью вашей матушки. Если она захочет принять меня, я приеду завтра посидеть с нею. Мы с нею совместно поведем за пикетом нападение на кавалера де Бельроша.¹⁵ Выигрывая у него деньги, мы в довершение удовольствия будем слушать, как вы поете со своим милым учителем, которого я об этом непременно попрошу. Если это будет удобно вашей матушке и вам, я пишу и за себя и за обоих своих кавалеров. Прощайте, милочка. Привет дорогой госпоже де Воланж. Нежно целую вас.

Из ***, 13 августа 17...

---

¹⁵ Тот самый, о котором говорится в письмах госпожи де Мертей.

Письмо 14

От Сесили Воланж к Софи Карне

Вчера я не писала тебе, дорогая Софи, но, уверяю тебя, не развлечения помешали мне. Мама была больна, и я весь день не отходила от нее. Вечером, когда я ушла к себе, у меня уже ни к чему не было охоты, и я пораньше легла, чтобы убедиться, что день наконец-то кончился: ни один еще не казался мне таким длинным. И не оттого, что я не люблю маму, а просто сама не знаю почему. Я должна была поехать в Оперу с госпожой де Мертей; там должен был быть кавалер Дансени. Ты знаешь, что эти двое нравятся мне больше всех других. С наступлением часа, когда я тоже должна была быть там, сердце мое как-то невольно сжалось. Все мне было в тягость, и я плакала, плакала, не в силах удержаться от слез. К счастью, мама лежала и видеть меня не могла. Я уверена, что кавалер Дансени тоже был расстроен, но его все же развлекало представление и общество. Это совсем другое дело!

К счастью, сегодня маме лучше, и к нам придет госпожа де Мертей с одним господином и с кавалером Дансени. Но госпожа де Мертей всегда очень поздно является, а сидеть так долго одной ужасно скучно. Сейчас всего одиннадцать часов. Правда, мне надо поиграть на арфе, да и туалет мой займет некоторое время – сегодня я хочу получше причесаться. Кажется, мать Перпетуя права, и в свете сразу становишься кокеткой. Никогда еще мне не хотелось быть красивой так, как в последние дни; я нахожу, что вовсе не столь привлекательна, как воображала, и, кроме того, очень много теряешь в присутствии женщин, которые румянятся. Вот, например, госпожа де Мертей: я вижу, что все мужчины находят ее более красивой, чем меня, но этим я не слишком огорчаюсь, так как она любит меня и к тому же уверяет, будто кавалер Дансени находит, что я красивее ее. Как благородно было с ее стороны сказать мне об этом! Казалось даже, что она этому радуется. Должна сказать, что я этого понять не могу. Значит, она меня очень сильно любит! А он!.. О, как я рада. Но и мне кажется, что достаточно посмотреть на него, чтобы похорошеть. Я бы без конца смотрела на него, если бы не боялась встретиться с ним взглядом: каждый раз, как это случается, я совершенно теряюсь; мне словно больно, но это ничего.

Прощай, дорогая моя подружка, иду заняться своим туалетом. Я люблю тебя по-прежнему.

Париж, 14 августа 17...

Письмо 15

От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей

С вашей стороны очень благородно не оставлять меня на произвол моей печальной судьбы. Жизнь, которую я здесь веду, действительно может утомить избытком покоя и пресной однообразностью. Читая ваше письмо, это подробное описание вашего прелестного дня, я раз двадцать намеревался под предлогом какого-нибудь дела примчаться к вашим ногам и умолять вас изменить со мной вашему кавалеру, не заслуживающему, в сущности, своего счастья. Знаете ли вы, что заставили меня ревновать к нему? Зачем вы заговорили о вечном разрыве? Я отрекаюсь от этой клятвы, произнесенной в бреду: мы оказались бы недостойными ее, если бы вынуждены были ее сдержать. Ах, когда бы я мог когда-нибудь отомстить в ваших объятиях за невольную досаду, вызванную во мне счастьем, которое испытал кавалер! Признаюсь, негодование охватывает меня, когда я думаю о том, что этот человек, ни о чем не размышляя и ничем не утруждая себя, а только глупейшим образом следуя бессознательному побуждению своего сердца, находит блаженство, для меня недостижимое! О, я его нарушу! Обещайте мне, что я его нарушу. Да вы-то разве не испытываете унижения? Вы пытаетесь обмануть его, а между тем он счастливее вас. Вы думаете, что он ваш пленник, а ведь это вы у него в плену. Он мирно спит, а в это время вы бодрствуете, заботясь о его наслаждениях. И раба его не сделала бы больше!

Послушайте, прекрасный друг мой, пока вы делите себя между многими, я ни в малейшей степени не ревную: ваши любовники для меня – лишь наследники Александра Великого, неспособные сохранить сообща то царство, где властвовал я один. Но чтобы вы отдавали себя всецело одному из них, чтобы существовал другой столь же счастливый, как я, – этого я не потерплю! И не надейтесь, что я стану терпеть. Или примите меня снова, или хотя бы возьмите второго любовника и ради причуды иметь одного возлюбленного не изменяйте нерушимой дружбе, в которой мы поклялись друг другу.

У меня и без того достаточно причин жаловаться на любовь. Как видите, я соглашусь с вашим мнением и признаю свою вину. И правда, если не иметь сил жить, не обладая тем, чего желаешь, если жертвовать ради любви своим временем, своими наслаждениями, своей жизнью – если это и есть быть влюбленным, – тогда я подлинно влюблен. Но это не приближает меня к моей цели. Мне бы совсем нечего было сообщить вам на этот счет, если бы не одно происшествие, заставившее меня весьма задуматься; и пока еще неясно, должно ли оно вызвать во мне опасение или зародить надежды.

Вы знаете моего егеря: это сокровище по части интриг, настоящий слуга из комедии. Вы понимаете, что ему назначено ухаживать за горничной и спаивать прочих слуг. Бездельник счастливее меня; он уже добился успеха. Он только что открыл, что госпожа де Турвель поручила одному из своих людей собирать сведения о моем поведении и даже следить за каждым моим шагом во время утренних прогулок, насколько это можно будет делать, оставаясь незамеченным. Чего нужно этой женщине? Итак, даже величайшая скромница решается на такие вещи, которые мы с вами едва ли бы решились позволить себе! Клянусь... Но прежде чем помышлять о мести за эту женскую хитрость, позаботимся о способах обратить ее нам на пользу. До сих пор эти вызвавшие подозрения прогулки не имели никакой цели; теперь надо будет ее найти. Это требует всего моего внимания, и я покидаю вас, чтобы хорошенько поразмыслить. Прощайте, мой прелестный друг.

По-прежнему из замка ***, 15 августа 17...

Письмо 16

От Сесили Воланж к Софи Карне

Ах, Софи, ну и новости же у меня! Может быть, мне и не следовало бы сообщать их тебе, но надо же с кем-нибудь поделиться: это сильнее меня. Кавалер Дансени... Я в таком смущении, что не могу писать; не знаю, с чего начать. После того как я рассказала тебе о прелестном вечере,¹⁶ который я провела у мамы с ним и госпожой де Мертей, я больше ничего тебе о нем не говорила: дело в том, что я ни с кем вообще не хотела о нем говорить, тем не менее он все время занимал мои мысли. С той поры он стал так грустен, так ужасно грустен, что мне делалось больно. А когда я спрашивала о причине его грусти, он говорил, что причины никакой нет. Но я-то видела, что что-то есть. Так вот, вчера он был еще печальнее, чем обычно. Все же это не помешало ему оказать мне любезность и петь со мной, как всегда. Но всякий раз, как он глядел на меня, сердце мое сжималось. После того как мы кончили петь, он пошел спрятать мою арфу в футляр и, возвращая мне ключ, попросил меня поиграть еще вечером, когда я буду одна. Я ничего не подозревала. Я даже вовсе не собиралась играть, но он так просил меня, что я сказала: «Хорошо». А у него были на то свои причины. И вот, когда я пошла к себе и моя горничная удалилась, я отправилась за арфой. Между струнами я обнаружила письмо, не запечатанное, а только сложенное; оно было от него. Ах, если бы ты знала, что он мне пишет! С тех пор как я прочитала его письмо, я так радуюсь, что ни о чем другом и думать не могу. Я тут же прочитала его четыре раза подряд, а когда легла, то повторяла столько раз, что заснуть было невозможно. Едва я закрывала глаза, как он вставал передо мною и сам произносил то, что я только что прочла. Заснула я очень поздно и, едва проснувшись (а было совсем еще рано), снова достала письмо, чтобы перечитать его на свободе. Я взяла его в постель и целовала так, словно... Может быть, это очень плохо – целовать так письмо, но я не могла устоять.

Теперь же, моя дорогая, я и очень счастлива и вместе с тем нахожусь в большом смятении, ибо мне, без сомнения, не следует отвечать на такое письмо. Я знаю, что это не полагается, а между тем он просит меня ответить, и если я не отвечу, то уверена, он опять будет по-прежнему печален. А это для него ведь очень тяжело! Что ты мне посоветуешь? Впрочем, ты знаешь не больше моего. Мне очень хочется поговорить об этом с госпожой де Мертей, которая ко мне так хорошо относится. Я хотела бы его утешить, но мне не хотелось бы сделать ничего дурного. Нам ведь всегда говорят, что надо иметь доброе сердце, а потом запрещают следовать его велениям, когда это касается мужчины! Это также несправедливо. Разве мужчина для нас не тот же ближний, что и женщина, даже больше? Ведь если наряду с матерью есть отец, а наряду с сестрой – брат, то вдобавок есть еще и муж. Однако если я сделаю что-нибудь не вполне хорошее, то, может быть, и сам господин Дансени будет обо мне плохо думать! О, в таком случае я уж предпочту, чтобы он ходил грустный. И потом, ответить я еще успею. Если он написал вчера, это не значит, что я обязательно должна написать сегодня. Сегодня вечером мне как раз предстоит увидеться с госпожой де Мертей, и, если у меня хватит храбрости, я ей все расскажу. Если я потом сделаю точно так, как она скажет, то мне не придется ни в чем себя упрекать. Да и, может быть, она скажет, что я могу ответить ему самую чуточку, чтобы он не был таким грустным! О, я очень страдаю.

Прощай, милый мой друг. Напиши мне все же свое мнение.

---

¹⁶ Письма, где говорится об этом вечере, разыскать не удалось. Есть основания полагать, что речь идет о вечере, предложенном в письме госпожи де Мертей, – о нем упоминалось и в предыдущем послании к Сесили Воланж.

Из *** 19 августа 17...

Письмо 17

От кавалера Дансени к Сесили Воланж

Прежде чем предаться, мадемуазель, – не знаю уж как сказать: радости или необходимости писать вам, – я хочу умолять вас выслушать меня. Я сознаю, что нуждаюсь в снисхождении, раз осмеливаюсь открыть вам свои чувства. Если бы я стремился лишь оправдать их, снисхождение было бы мне не нужно. Что же я, в сущности, собираюсь сделать, как не показать вам деяние ваших же рук? И что еще могу я сказать вам, кроме того, что уже сказали мои взгляды, мое смущение, все мое поведение и даже молчание? И почему бы стали вы на меня гневаться из-за чувства, вами же самою внушенного? Истоки его в вас, и, значит, оно достойно быть вам открытым. И если оно пламенно, как моя душа, то и чисто, как ваша. Разве совершает преступление тот, кто сумел оценить вашу прелестную наружность, ваши обольстительные дарования, ваше покоряющее изящество и, наконец, трогательную невинность, делающую ни с чем не сравнимыми качества, и без того столь драгоценные? Нет, конечно. Но, даже не зная за собой вины, можно быть несчастным, и такова участь, ожидающая меня, если вы отвергнете мое признание. Оно – первое, на которое решилось мое сердце. Не будь вас, я был бы если не счастлив, то спокоен. Но я вас увидел. Покой оставил меня, а в счастье я не уверен. Вас, однако, удивляет моя грусть; вы спрашиваете меня о причине ее, и порою даже мне казалось, что она вас огорчает. Ах, скажите одно только слово, и вы станете творцом моего счастья. Но прежде чем произнести что бы то ни было, подумайте, что и сделать меня окончательно несчастным тоже может одно лишь слово. Так будьте же судьей моей судьбы. От вас зависит, стану ли я навеки счастлив или несчастлив. Каким более дорогим для меня рукам мог бы я вручить дело, столь важное?

Кончаю тем, с чего начал: умоляю о снисхождении. Я просил вас выслушать меня. Осмелюсь на большее: прошу об ответе. Отказать в этом значило бы внушить мне мысль, что вы оскорблены, а сердце мое порука в том, что уважение к вам так же сильно во мне, как и любовь.

P.S. Для ответа вы можете воспользоваться тем же способом, которым я направил вам это письмо: он представляется мне и верным и удобным.

Из ***, 18 августа 17...

Письмо 18

От Сесили Воланж к Софи Карне

Как, Софи, ты заранее осуждаешь то, что я собираюсь сделать? У меня и без того было довольно волнений – ты их еще умножаешь! Очевидно, говоришь ты, что я не должна отвечать. Легко тебе говорить, особенно когда ты не знаешь, что сейчас происходит: тебя здесь нет, и видеть ты ничего не можешь. Я уверена, что на моем месте ты поступила бы так же, как я. Конечно, вообще-то отвечать в таких случаях не следует, и по моему вчерашнему письму ты могла убедиться, что я и не хотела этого делать. Но вся суть в том, что, по-видимому, никто еще никогда не находился в таком положении, как я.

И ко всему я еще вынуждена одна принимать решение! Госпожа де Мертей, которую я рассчитывала увидеть, вчера вечером не приехала. Все идет как-то наперекор мне; ведь это благодаря ей я с ним познакомилась. Почти всегда мы с ним виделись и разговаривали при ней. Не то чтобы я на это сетовала, но вот теперь, в трудный момент, она оставляет меня одну. О, меня и впрямь можно пожалеть!

Представь себе, что вчера он явился, как обычно. Я была в таком смятении, что не решалась на него взглянуть. Он не мог заговорить со мной об этом, так как мама находилась тут же. Я так и думала, что он будет огорчен, когда увидит, что я ему не написала. Я просто не знала, как мне себя вести. Через минуту он спросил, не пойти ли ему за арфой. Сердце у меня так колотилось, что единственное, на что я оказалась способной, это вымолвить: «Да!» Когда он вернулся, стало еще хуже. Я лишь мельком взглянула на него, он же на меня не смотрел, но вид у него был такой, что можно было подумать – он заболел. Я ужасно страдала. Он принялся настраивать арфу, а потом, передавая мне ее, сказал: «Ах, мадемуазель!..» Он произнес лишь два эти слова, но таким тоном, что я была потрясена. Я стала перебирать струны, сама не зная, что делаю. Мама спросила, будем ли мы петь. Он отказался, объяснив, что неважно себя чувствует. У меня же никаких извинений не было, и мне пришлось петь. Как хотела бы я никогда не иметь голоса! Я нарочно выбрала арию, которой еще не разучивала, так как была уверена, что все равно ничего не спою как следует и сразу станет видно, что со мной творится неладное. К счастью, приехали гости, и, едва заслышав, как во двор въезжает карета, я прекратила петь и попросила унести арфу. Я очень боялась, чтобы он тотчас не ушел, но он возвратился.

Пока мама и ее гостя беседовали, мне захотелось взглянуть на него еще разок. Глаза наши встретились, и отвести мои у меня не хватило сил. Через минуту я увидела, как у него полились слезы и он вынужден был отвернуться, чтобы этого не обнаружить. Тут уж я не смогла выдержать, я почувствовала, что сама расплачусь. Я вышла и нацарапала карандашом на клочке бумаги: «Не грустите же так, прошу вас. Обещаю вам ответить». Уж, наверно, ты не сможешь сказать, что это дурно, и, кроме того, я уж не могла с собой совладать. Я засунула бумажку между струнами арфы так же, как было засунуто его письмо, и вернулась в гостиную. Мне сделалось как-то спокойнее, но я дожидаться не могла, пока уедет гостя. К счастью, она явилась к маме с коротким визитом и потому вскоре уехала. Как только она вышла, я сказала, что хочу поиграть на арфе, и попросила, чтоб он ее принес. По выражению его лица я поняла, что он ни о чем не догадывается. Но по возвращении – о, как он был доволен! Ставя напротив меня арфу, он сделал так, что мама не могла видеть его движений, взял мою руку и сжал ее... но как! Это длилось лишь одно мгновение, но я не могу тебе передать, как мне стало приятно. Однако я тотчас же отдернула руку, поэтому мне не

в чем себя упрекнуть! Теперь, милый мой друг, ты сама видишь, что я не могу не написать ему, раз обещала. И потом, я не стану больше причинять ему огорчений; я страдаю от них даже сильнее, чем он сам. Если бы из этого могло произойти что-нибудь дурное, я бы уж ни за что не стала этого делать. Но что тут худого – написать письмо, особенно для того, чтобы кто-нибудь не страдал? Смущает меня, правда, что я не сумею хорошо написать, но он почувствует, что вины моей тут нет, и потом я уверена, что раз оно будет от меня, так он все равно обрадуется.

Прощай, дорогой друг. Если ты найдешь, что я не права, скажи мне прямо. Но я этого не думаю. Подходит время писать ему, и сердце у меня так бьется, что трудно представить. Но написать надо, раз я обещала. Прощай.

Из ***, 20 августа 17...

Письмо 19

От Сесили Воланж к кавалеру Дансени

Вчера, сударь, вы были так печальны, и это меня так огорчало, что я не выдержала и обещала вам ответить на письмо, которое вы мне написали. Я и сейчас чувствую, что этого не следует делать. Но я обещала и не хочу изменить своему слову. Пусть это докажет вам, что я питаю к вам самые добрые чувства. Теперь вы это знаете и, я надеюсь, не станете больше просить у меня писем! Надеюсь также, вы никому не расскажете, что я вам написала. Ведь меня, наверно, осудили бы, и это доставило бы мне много неприятностей. В особенности надеюсь, что вы сами не станете думать обо мне плохо, что было бы для меня тяжелее всего. Смею также уверить вас, что никому другому я бы такой любезности не оказала. Я бы очень хотела, чтобы и вы, в свою очередь, ответили мне любезностью – перестали бы грустить, как в последнее время; это портит мне всякое удовольствие видеть вас. Вы видите, сударь, что я говорю с вами вполне искренне. Я буду очень рада, если наша дружба никогда не прервется, но прошу вас – не пишите мне больше.

Имею честь...

Сесиль Воланж.

Из ***, 20 августа 17...

Письмо 20

От маркизы де Мертей к виконту де Вальмону

Ах, негодник, вы льстите мне из страха, как бы я не стала над вами насмеяться! Ладно, сменю гнев на милость. Вы мне написали столько безрассудных вещей, что приходится простить вам скромность, в которой вас держит ваша президентша. Не думаю, чтобы мой кавалер проявил такую же снисходительность. Мне кажется, он не такой человек, чтобы одобрить возобновление нашего с вами договора и найти вашу безумную мысль забавной. Я, однако, вволю посмеялась над нею, и мне было очень жаль, что приходится смеяться в одиночестве. Если бы вы были здесь, право, не знаю, куда бы завела меня эта веселость. Но у меня было время поразмыслить, и я вооружилась строгостью. Это не значит, что я отказываю навсегда, но я считаю нужным повременить, и совершенно права. Сейчас меня, пожалуй, одолело бы тщеславие, и в увлечении игрой я бы зашла слишком далеко. Я ведь такая женщина, что снова привязала бы вас к себе, и вы, чего доброго, забыли бы свою президентшу. А какой это был бы скандал, если бы я, недостойная, отвратила вас от добродетели! Во избежание этой опасности – вот мои условия. Как только вы овладеете вашей богомольной красавицей и сможете представить какое-нибудь тому доказательство, приезжайте – и я ваша. Но вам хорошо известно, что в серьезных делах принимаются лишь письменные доказательства. В таком случае, с одной стороны, я окажусь для вас наградой, вместо того чтобы служить утешением, а это мне куда приятнее. С другой стороны, успех ваш будет гораздо острее на вкус, ибо сам явится поводом для неверности. Так приезжайте же, привезите мне как можно скорее залог вашего торжества, подобно нашим храбрым рыцарям, которые клали к ногам своих дам блестящие плоды воинских побед. Говорю не шутя, мне было бы любопытно знать, что может написать недотрога после такой оказии и в какой покров облекает она свои речи после того, как совлекла все покровы с самой себя. Ваше дело рассчитать, не слишком ли дорого я себя ценю; но предупреждаю – никакой скидки не будет. А пока, дорогой мой виконт, примиритесь с тем, что я остаюсь верной своему кавалеру и забавляюсь, даря ему счастье, несмотря на то, что вас это слегка огорчает.

Тем не менее мне кажется, что, не будь я столь нравственной, сейчас у него объявился бы опасный соперник: маленькая Воланж. Я без ума от этой девочки – тут самая настоящая страсть. Или я ошибаюсь, или она делается одной из самых заметных в обществе женщин. Я вижу, как развивается ее сердечко, и зрелище это – просто восхитительно. Она уже исступленно влюблена в своего Дансени, но еще понятия об этом не имеет. Он сам, хоть и сильно влюблен, – еще робкий юнец, и не осмеливается многому ее учить. Оба они меня обожают. Особенно малютка – ей ужасно хочется поверить мне свою тайну. В последние дни я замечаю, что она просто подавлена, и я оказала бы ей величайшую услугу, если бы немного помогла. Но я не забываю, что это еще ребенок, и не хочу себя компрометировать. Дансени говорил со мною несколько определеннее, но насчет него я твердо решила: я не хочу его выслушивать. Что касается малютки, меня часто берет искушение сделать ее своей ученицей. Хотелось бы оказать Жеркуру эту услугу. Но время у меня есть: он будет на Корсике до октября. Я рассчитываю воспользоваться этим сроком, и мы вручим ему вполне сформированную женщину вместо невинной пансионерки. Какая поистине наглая самоуверенность у этого человека: он осмеливается спокойно спать, когда женщина, имеющая основание жаловаться на него, еще не отомщена! Скажу откровенно: если бы малютка находилась в настоящую минуту здесь, чего только я бы ей не порассказала!

Прощайте, виконт, желаю вам доброго вечера и славных успехов, но, ради бога, продвигайтесь вперед! Подумайте, что, если эта женщина не будет принадлежать вам, другие станут стыдиться того, что вы когда-то принадлежали им.

Письмо 21

От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей

Наконец-то, прелестный друг мой, сделал я шаг вперед, и значительный шаг. Хоть он и не привел меня к цели, но, по крайней мере, помог мне уяснить, что я на верном пути, и рассеял чуть было не охватившие меня опасения, что я заблудился. Я, наконец, объяснился в любви, и хотя ответом мне было упорное молчание, я все же добился и другого ответа, быть может, наименее двусмысленного и самого лестного. Но не будем упреждать события и вернемся назад. Вы помните, что за мной начали слезку. Так вот, я решил обратить этот позорный прием на общее благо и поступил следующим образом. Я поручил одному доверенному лицу найти в окрестностях какого-нибудь несчастного, нуждающегося в помощи. Выполнить это поручение было нетрудно. Вчера днем мой доверенный доложил мне, что сегодня утром должны описать всю движимость целой семьи, которая не в состоянии уплатить податей. Я постарался убедиться, что в этом доме нет ни одной девушки или женщины, чей возраст или внешность могли бы сделать мое поведение подозрительным, и, когда все сведения были собраны, объявил за ужином, что завтра иду на охоту. Тут приходится отдать должное моей президентше. Отданное ею распоряжение следить за мной, видимо, вызвало у нее угрызения совести, и, не будучи в силах сдержать свое любопытство, она все же нашла силы воспротивиться моему желанию: завтра-де ожидается невыносимая жара, я рискую заболеть, ничего не убью и только зря утомлюсь. И во время нашего диалога глаза ее, говорившие яснее, быть может, чем она желала, дали мне понять, что она хочет, чтобы все эти полезные доводы я счел основательными. Как вы сами понимаете, я и не подумал с ней согласиться, устояв даже перед небольшим выпадом против охоты и охотников, а также перед легким облачком досады, омрачавшим весь вечер это небесное чело. Сперва я даже опасался, как бы она не отменила своего распоряжения и как бы ее деликатность не испортила мне дела. Но я просто недооценил силу женского любопытства и потому ошибся. В тот же вечер мой егерь успокоил меня на этот счет, и я улегся вполне удовлетворенный.

На рассвете я встаю и отправляюсь в путь. Отойдя на каких-нибудь пятьдесят шагов от замка, замечаю следующего за мною соглядатая. Начинаю охоту и иду прямо через поле к нужной мне деревне, развлекаясь в пути лишь тем, что вынуждаю шпионящего за мною бездельника пробегать зачастую рысью расстояние втрое больше моего: он не решался идти напрямик и держался дороги. Заставляя его поупражняться, я сам изрядно разгорячился и присел под деревом, чтобы отдохнуть. Он же – какая наглость! – шмыгнул за кусты, находившиеся всего шагах в двадцати от меня, и тоже там примостился. На мгновение мне захотелось выстрелить в него из ружья; хоть оно и заряжено было всего лишь дробью, он получил бы достойный урок, который доказал бы ему, сколь небезопасная вещь – любопытство. На его счастье, я вспомнил, что он для моих планов весьма полезен и даже необходим; это размышление его спасло.

Вот я и в деревне. Вижу какую-то суетню, подхожу, расспрашиваю. Велю позвать сборщика податей и, уступая великодушному состраданию, благородно уплачиваю пятьдесят шесть ливров, из-за которых пяти человеческим существам предстояло быть ввергнутым в отчаяние и нищету. Вы не можете себе вообразить, как все присутствующие хором принялись благословлять меня, после того как я совершил это простое дело, как обильно полились слезы благодарности из глаз престарелого главы этого семейства, делая привлекательным лицо патриарха, которое еще за минуту перед тем мрачная печать отчаяния просто уродо-

вала! Я еще наблюдал все это, когда другой крестьянин, помоложе, который вел за руки женщину и двоих детей, быстрым шагом приблизился ко мне и сказал им: «Поклонимся в ноги этому ангелу божию!», и в то же мгновение я оказался окруженным всей семьей, припавшей к моим коленам. Должен признаться в своей слабости – я прослезился и почувствовал, как всего меня охватывает невольный сладостный трепет. Я просто был удивлен тем, насколько приятно делать добро, и был недалек от мысли, что заслуги людей, которые у нас именуются добродетельными, не так уж велики, как нам обычно внушают. Как бы то ни было, но я считаю вполне справедливым заплатить этим беднякам за удовольствие, которое они мне доставили. У меня было с собой десять луидоров, и я отдал им эти деньги. Снова меня стали осыпать словами благодарности, но они звучали уже не так восторженно: настоящее, сильное впечатление произведено было удовлетворением неотложной нужды, а все дальнейшее было лишь выражением признательности и удивления перед щедростью, так сказать, уже чрезмерной.

Посреди неумеренных благословений этого семейства я сильно смахивал на героя драмы в сцене развязки. Заметьте, что главным лицом в толпе был для меня мой верный соглядатай. Цель была достигнута; я освободился от них всех и вернулся в замок. Взвесив все, я остался доволен своей выдумкой. Женщина эта, безусловно, стоит всех моих хлопот. Наступит день, когда я смогу предъявить их ей, как ценные документы, и, заранее оплатив некоторым образом ее благосклонность, я буду иметь право располагать ею, как мне вздумается, ни в чем себя не упрекая.

Забыл сказать вам, что, стремясь из всего извлечь пользу, я попросил этих добрых людей молить бога об успехе всех моих замыслов. Вы вскоре увидите, не услышаны ли уже отчасти их молитвы... Но только что мне сказали, что подан ужин. Если я запечатаю это письмо лишь по возвращении, его уже нельзя будет сегодня отправить. Итак – «продолжение в следующем номере». Очень жаль, ибо осталось как раз самое лучшее. Прощайте, прелестный друг. Вы крадете у меня один миг удовольствия видеть ее.

Из ***, 20 августа 17...

Письмо 22

От президентши де Турвель к госпоже де Воланж

Вам, наверно, приятно будет, сударыня, узнать об одной черте характера господина де Вальмона, весьма, как мне кажется, отличающейся от всех тех, какими вам рисовали его облик. Как тягостно иметь нелестное мнение о ком бы то ни было, как обидно находить одни лишь пороки у тех, кто, в сущности, обладает всеми качествами, необходимейшими для того, чтобы любить добродетель! Наконец, вы сами так склонны к снисходительности, что дать вам возможность пересмотреть слишком суровое суждение о ком-то – значит оказать вам услугу. По-моему, господин де Вальмон имеет все основания надеяться на такую милость, я сказала бы даже – на подобное проявление справедливости, и вот почему я так думаю.

Сегодня утром он вышел на одну из своих прогулок, которые могут привести на мысль о каком-либо его замысле в наших окрестностях, – мысль эта действительно возникла у вас, и я, к сожалению своему, может быть, слишком живо за нее ухватилась. К счастью для него, – и прежде всего для нас, поскольку это спасает нас от несправедливых суждений, – один из моих слуг должен был идти в том же направлении,¹⁷ что и он, и, таким образом, мое неблагоприятное, но оказавшееся весьма уместным любопытство было удовлетворено. Он доложил нам, что господин де Вальмон, обнаружив в деревне *** несчастное семейство, чей домашний скарб распродался за неуплату налогов, не только поспешил уплатить долг этих бедных людей, но даже дал им довольно крупную сумму денег. Слуга мой был свидетелем этого благородного поступка, и он добавил, что, по словам крестьян, говоривших об этом между собой и с ним, чей-то слуга, на которого они ему указали и которого мой человек считает слугой господина де Вальмона, вчера собирал сведения о жителях деревни, нуждающихся в помощи. Если это так, то мы имеем здесь не мимолетное сострадание, вызванное случайными обстоятельствами, а определенное намерение сделать доброе дело, стремление к благотворительности – благороднейшая добродетель благороднейших душ. Однако случайность ли это или обдуманый поступок, деяние это похвально, и от одного рассказа о нем я расчувствовалась до слез. Добавлю, – и по-прежнему в интересах справедливости, – что, когда я заговорила с ним об этом поступке, о котором сам он не проронил ни слова, он сначала стал его отрицать, а когда ему пришлось в нем признаться, заговорил о нем, как о таком ничтожном деле, что скромность лишь удваивает его заслугу.

Скажите же мне теперь, уважаемый друг мой, действительно ли господин де Вальмон столь уж нераскаянный распутник? Если он таков и в то же время способен поступать так, как сегодня, что же тогда остается на долю порядочных людей? Как злые могут разделять с добрыми священную радость благодетелей? Допустил ли бы господь, чтобы честная семья получила из рук негодяя помощь, за которую стала бы потом возносить благодарность небесному провидению? Угодно ли будет ему, чтобы чистые уста расточали благословения недостойному? Нет. Я предпочитаю думать, что, как бы продолжительны ни были эти заблуждения, они не вечны, и не могу считать человека, творящего добро, врагом добродетели. Господин де Вальмон является, может быть, лишь примером того, как опасны связи. Я кончаю на этой мысли, которая мне нравится. Если, с одной стороны, она может послужить ему оправданием в ваших глазах, то, с другой стороны, она заставляет меня все больше и больше ценить нежную дружбу, соединившую меня с вами на всю жизнь. Имею честь... и т. д.

---

¹⁷ Госпожа де Турвель, видимо, не решается признаться, что это было сделано по ее приказанию.

P.S. Мы с госпожой де Розмонд отправляемся сейчас посетить эту честную и несчастную семью и прибавить нашу запоздалую помощь к той, которая оказана была господином де Вальмоном. Мы берем его с собой. Таким образом, мы хотя бы дадим этим добрым людям возможность еще раз повидать своего благодетеля. Кажется, это все, что он оставил на нашу долю.

Из ***, 20 августа 17...

Письмо 23

От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей

Мы остановились на моем возвращении в замок; продолжаю рассказ.

Я только успел привести себя немного в порядок и тотчас же отправился в гостиную, где моя прелестница сидела за вышиванием, в то время как местный священник читал моей тетушке газету. Я устроился возле пяльцев. Взоры, еще более нежные, чем обычно, почти ласкающие, вскоре подсказали мне, что слуга уже доложил о выполнении порученного ему дела. И впрямь, милая моя разоблачительница не могла долго скрывать украденный у меня секрет и, не постеснявшись перебить достопочтенного пастыря, – хотя газету он читал так, словно произносил проповедь, – заявила: «А у меня тоже есть новость», – и тут же рассказала мое приключение с точностью, делающей честь ее осведомителю. Вы сами понимаете, какую я напустил на себя скромность. Но разве можно остановить женщину, когда она расхваливает человека, которого, сама того не сознавая, любит? Я уж решил не перебивать ее. Можно было подумать, что она произносит славословие какому-нибудь святому угоднику. Я же тем временем не без надежды наблюдал все то, что служило как бы залогом любви: полный оживления взгляд, движения, ставшие гораздо свободнее, и особенно голос – он уже заметно изменился, выдавая смятенность ее души. Не успела она кончить свой рассказ, как госпожа де Розмонд сказала мне: «Подойди ко мне, племянник, подойди, дай я тебя поцелую». Тут я сразу почувствовал, что прелестная проповедница тоже не сможет устоять против поцелуя. Правда, она попыталась бежать, но вскоре оказалась в моих объятиях и не только не в силах была обороняться, но едва устояла на ногах. Чем больше я наблюдаю эту женщину, тем желаннее она мне становится. Она поспешила вернуться к пяльцам, для всех делая вид, будто снова принялась вышивать. Но я хорошо заметил, что руки у нее дрожали и она не в состоянии была продолжать работу.

После обеда дамы пожелали проведать бедняков, которым я столь благородно оказал помощь. Я сопровождал их. Избавлю вас от повторения сцены благодарности и восхвалений. Сердцу моему, трепещущему от сладостного воспоминания, не терпится возвратиться в замок. Всю дорогу моя прелестная президентша была задумчивей, чем обычно, и не вымолвила ни слова. Занятый мыслями о том, какие средства изобрести, чтобы получше использовать впечатление, произведенное событиями этого дня, я тоже хранил молчание. Говорила одна лишь госпожа де Розмонд, изредка получая от нас немногословные ответы. Мы ей, видимо, наскучили; я этого хотел и достиг своей цели. Как только мы вышли из экипажа, она удалилась к себе, оставив меня и мою прелестницу вдвоем в слабо освещенной гостиной: сладостный полусумрак, придающий смелость робкому чувству любви.

Без труда направил я беседу по желанному для меня руслу. Рвение милой проповедницы послужило мне лучше, чем вся моя ловкость. «Когда человек достоин творить добрые дела, – сказала она, устремив на меня кроткий взгляд, – как может он всю свою жизнь поступать дурно?»

«Я не заслуживаю, – возразил я, – ни этой похвалы, ни этого упрека, и не могу представить себе, чтобы вы с вашим умом еще не разгадали меня. Пусть моя откровенность даже повредит мне в ваших глазах, – вы настолько достойны ее, что я не могу вам в ней отказать. Ключ к моему поведению вы найдете в моем характере – слишком, к сожалению, слабым. Окруженный людьми безнравственными, я подражал их порокам, я даже, может быть, из ложного самолюбия старался их перещеголять. Здесь же, покоренный примером добродетели,

тели, я попытался хотя бы следовать вам, не имея надежды с вами сравняться. И, может быть, поступок, за который вы меня сегодня хвалите, потеряет всякую цену в ваших глазах, если вы узнаете подлинные мои побуждения. (Видите, прелестный друг мой, как недалек я был от истины!) Не мне, – продолжал я, – обязаны были эти несчастные помощью, которую оказал им я. В том, в чем вы усматриваете похвальное деяние, я искал лишь средства понравиться. Я оказался, – раз уж нужно говорить все до конца, – ничтожным служителем божества, которому поклоняюсь. (Тут она попыталась прервать меня, но я не дал ей этого сделать.) И сейчас, – добавил я, – лишь по слабости своей выдал я тайну. Я давал себе слово умолчать о ней, для меня счастьем было поклонение вашим добродетелям, равно как и вашим прелестям, – поклонение, о котором вы никогда не должны были узнать. Но, имея перед глазами пример чистосердечия, я не в силах быть обманщиком и не хочу упрекать себя в неблагоприятном притворстве по отношению к вам. Не думайте, что я оскорблю вас преступной надеждой. Я буду несчастен, знаю это, но даже страдания мои будут мне дороги: они послужат доказательством беспредельности моей любви. К вашим ногам, к сердцу вашему повергну я свои муки, там почерпну я силы для новых страданий, там обрету сострадание и почту себя утешенным, так как вы меня пожалели. О обожаемая, выслушайте меня, пожалейте, помогите мне». Я бросился к ее ногам, сжимая ее руки в своих. Но она внезапным движением вырвала их у меня и, прижав к глазам с выражением отчаянья, вскричала: «О, я несчастная!» – и тотчас же зарыдала. К счастью, я довел себя до того, что и сам плакал: вновь завладев ее руками, я омывал их слезами. Эта предосторожность оказалась необходимой, ибо она была так поглощена своим страданием, что не заметила бы моего, если бы я не прибег к этому способу обратить на него ее внимание. При этом я выиграл то, что получил возможность вдоволь налюбоваться ее прелестным лицом, еще похорошевшим благодаря покоряющему очарованию слез. Я настолько разгорячился и так мало владел собой, что едва не поддался искушению воспользоваться этой минутой.

Как же велика наша слабость, как сильна власть обстоятельств, если даже я, забыв о своих замыслах, рисковал тем, что преждевременное торжество могло отнять у меня прелесть долгой борьбы с нею и все подробности ее тяжкого поражения, если в порыве юношеского желания я едва не обрек победителя госпожи де Турвель на то, что плодом его трудов оказалось бы только жалкое преимущество обладания лишней женщиной! Да, она должна сдаться, но пусть поборется, пусть у нее не хватит сил для победы, но окажется достаточно для сопротивления, пусть она испытает всю полноту ощущения собственной слабости и вынуждена будет признать свое поражение. Предоставим жалкому браконьеру возможность убить из засады оленя, которого он подстерег: настоящий охотник должен загнать дичь. Возвышенный замысел, не правда ли? Но, может быть, сейчас я сожалел бы, что не осуществил его, если бы случай не помог моей предусмотрительности.

Мы услышали шум: кто-то шел в гостиную. Госпожа де Турвель испугалась, быстро вскочила, схватила один из подсвечников и вышла. Воспрепятствовать ей было невозможно. Оказалось, что это был слуга. Убедившись в этом, я последовал за нею. Не успел я сделать несколько шагов, как услышал, что, либо узнав их, либо поддавшись неясному ощущению страха, она побежала быстрее и не вошла, а скорее влетела в свою комнату, закрыв за собою дверь. Я подошел к двери, но она была заперта на ключ. Стучать я, разумеется, не стал: это дало бы ей возможность без труда оказать сопротивление. Мне пришла в голову простая и удачная мысль попытаться увидеть ее через замочную скважину, и я действительно увидел эту обворожительную женщину – она стояла на коленях, вся в слезах, и горячо молилась. К какому богу дерзала она взывать? Есть ли бог столь могущественный, чтобы противиться любви? Тщетно прибегает она теперь к помощи извне: ныне я один властен над ее судьбой.

Полагая, что для одного дня мною вполне достаточно сделано, я тоже удалился в свою комнату и принялся вам писать. Я надеялся увидеть ее за ужином, но она велела передать,

что плохо себя чувствует, и легла. Госпожа де Розмонд хотела подняться к ней в комнату, но коварная больная сослалась на головную боль, при которой ей просто невозможно кого бы то ни было видеть. Вы, конечно, понимаете, что после ужина мы сидели недолго и что у меня тоже разболелась голова. Удалившись к себе, я написал ей длинное письмо, жалуясь на ее суровость, и лег спать, решив передать его сегодня утром. Из даты этого письма вы легко можете заключить, что спал я плохо. Рано встав, я перечел свое письмо и сразу же заметил, что плохо владел собой, проявив в нем больше пыла, чем любви, и больше досады, чем грусти. Надо будет его переделать, но в более спокойном состоянии. Вижу, что уже светает, и надеюсь, что утренняя свежесть поможет мне уснуть. Сейчас я снова лягу и, как ни велика власть этой женщины надо мной, обещаю вам не заниматься ею настолько, чтобы у меня не оставалось времени подолгу думать о вас. Прощайте, прелестный мой друг.

Из ***, 21 августа 17...

Письмо 24

От виконта де Вальмона к президентше де Турвель

Ах, сударыня, хотя бы из жалости соблаговолите успокоить смятение моей души; соблаговолите сказать мне, на что я могу надеяться и чего мне страшиться. Я нахожусь все время в неизвестности между чрезмерностью счастья и чрезмерностью страдания, и это для меня жестокая пытка. Зачем я говорил с вами? Почему не устоял я перед властным очарованием, заставившим меня открыть вам свои мысли? Пока я довольствовался тем, что безмолвно поклонялся вам, любовь была для меня радостью, и чистое это чувство, еще не омраченное видом вашего страдания, казалось вполне достаточным для моего счастья. Но этот источник радости стал источником отчаянья с того мгновенья, когда я увидел ваши слезы, когда я услышал это жестокое: «О, я несчастная!» Сударыня, эти три слова долго будут звучать в моем сердце. По воле какого рока нежнейшее из чувств внушает вам один лишь ужас? Чего вы страшитесь? Ах, не того, что разделите мое чувство: сердце ваше, которое я плохо знал, не создано для любви. Лишь мое, на которое вы беспрестанно клеветаете, способно чувствовать. Ваше же не ощущает даже жалости. Если бы это было не так, вы не отказали бы хоть в одном слове утешенья несчастному, открывшему вам свои страдания, вы не скрылись бы от его взоров, тогда как видеть вас – его единственная отрада, вы не стали бы так жестоко играть его тревогой, сообщив, что вы больны, и не дав ему разрешения прийти к вам, чтобы узнать о вашем самочувствии, вы поняли бы, что та самая ночь, которая для вас была лишь двенадцатью часами отдыха, для него должна была стать целым веком страданий.

Чем, скажите мне, заслужил я эту убийственную суровость? Я не боюсь сделать вас своим судьей. Что же я совершил? Лишь поддался невольному чувству, внушенному вашей красотой и оправданному вашей добродетелью; оно всегда сдерживалось почтительностью, и невинное признание в нем явилось следствием доверчивости, а отнюдь не надежды. Обманете ли вы мое доверие, которое, казалось, сами вы поощряли и которому я беззаветно отдался? Нет, я не могу так думать. Это значило бы предположить, что в вас есть хотя бы один недостаток, а сердце мое негодует при одной мысли об этом; я отрекаюсь от своих упреков; я мог написать эти слова, но я их не имел в виду. Ах, позвольте мне верить в ваше совершенство: это единственная оставшаяся мне радость. Докажите, что вы действительно таковы, великодушно проявив заботу обо мне. Вы оказывали помощь несчастным, а кто из них нуждался в ней больше, чем я? Вы повергли меня в безумие – не оставляйте же меня в нем. Вы похитили мой рассудок – одолжите же мне свой и, исправив меня, просветите, дабы завершить ваше дело.

Я не хочу обманывать вас: победить мою любовь вам не удастся, но вы научите меня сдерживать ее. Руководя моими поступками, внушая мне, что я должен говорить, вы хотя бы избавите меня от ужасного несчастья быть вам неудобным. А главное – рассейте мой убийственный страх. Скажите, что жалеете, что прощаете меня, дайте мне уверовать в вашу снисходительность. В той мере, в какой я этого желал бы, у вас ее никогда не будет; но я прошу лишь того, что мне крайне необходимо; откажете ли вы мне в этом?

Прощайте, сударыня. Примите благосклонно выражение моих чувств: они не умаляют моей почтительности.

Из ***, 20 августа 17...

Письмо 25

От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей

Вот вчерашний бюллетень.

В одиннадцать часов я зашел к госпоже де Розмонд и под ее охраной введен был к мнимой больной, которая еще лежала в постели. Под глазами у нее были круги: надеюсь, она спала не больше моего. Я улучил минутку, когда госпожа де Розмонд отошла, и протянул свое письмо. Его не взяли, но я оставил его на постели и принялся заботливо пододвигать к ней кресло моей тетушки, пожелавшей сесть поближе к *своей милой девочке*, которой пришлось зажать письмо в руке, чтобы предотвратить скандал. Больная, на свою беду, заявила, что у нее, кажется, небольшой жар. Госпожа де Розмонд попросила меня пощупать ей пульс, всячески расхваливая мои познания в медицине. Прелестница моя испытала двойную неприятность: ей пришлось протянуть мне свою руку, испытывая в то же время опасение, что ее маленькая ложь сейчас обнаружится. Я действительно взял ее руку и зажал в одной из своих, а другой принялся ощупывать эту свежую пухлую ручку от кисти до локтя. Лицемерка оставалась невозмутимой, и я, отойдя от кровати, сказал: «Пульс несколько не учащен». Предполагая, что взор ее был суров, я, чтобы наказать ее, не старался поймать его. Вскоре она сказала, что хочет встать, и мы оставили ее одну. Она спустилась к обеду, который прошел весьма уныло, и заявила, что не пойдет на прогулку, давая этим понять, что случая поговорить с нею у меня не будет. Я понял, что тут надо прибегнуть к вздоху и страдальческому взгляду. Видимо, она этого ждала, ибо за весь день это был единственный раз, что мне удалось встретиться с ее взором. Хотя она и скромница, а у нее, как у всякой другой, есть свои хитрости. Я уловил минуту, чтобы спросить ее, *соблаговолила ли она известить меня, какая мне уготована участь*, и несколько удивился, услышав в ответ: «Да, сударь, я вам написала». Мне не терпелось получить это письмо, но – хитрость ли снова, или неловкость, или робость – она передала мне его лишь вечером, перед отходом ко сну. Посылаю вам его вместе с черновиком моего письма к ней. Прочтите и судите сами, с каким поразительным лицемерием она уверяет, что не испытывает любви, в то время как я убежден в противном. А ведь если я потом обману ее, она станет негодовать, хотя обманула меня первая! Прелестный друг мой, даже самый изворотливый мужчина может в лучшем случае лишь сравниться с самой правдивой женщиной. Придется мне, однако, сделать вид, будто я верю всем этим рассказам, и выбиваться из сил, разыгрывая отчаяние, потому что сударыне угодно изображать суровость! Ну, как не мечтать о возмездии за все эти козни?.. Но – терпение... Пока же прощайте. Мне надо еще много писать.

Кстати, письмо бесчеловечной вы мне верните. Может случиться, что впоследствии она вздумает набивать цену всем этим пустякам, и нужно, чтоб у меня все было в порядке.

Я ничего не говорю о маленькой Воланж. Мы побеседуем о ней при первой же встрече.

Из замка ***, 22 августа 17...

Письмо 26

От президентши де Турвель к виконту де Вальмону

Никогда, милостивый государь, вы не получили бы от меня ни одного письма, если бы глупое мое поведение вчера вечером не вынудило меня объясниться с вами сегодня. Да, признаюсь, я плакала. Возможно, что вырвались у меня и слова, на которые вы так настойчиво ссылаетесь. Вы заметили и слезы мои, и слова. Приходится разъяснить вам все.

Я привыкла вызывать лишь благопристойные чувства, слышать лишь речи, которым могу внимать не краснея, и, следовательно, ощущать себя в безопасности, которой, смею это утверждать, я вполне заслуживаю. Поэтому я не умею ни притворяться, ни противостоять нахлынувшему на меня впечатлению. Ваше поведение изумило меня и повергло в растерянность; положение, в которое я не должна была бы попасть, внушило мне какой-то непонятный страх; может быть, вызвала во мне негодование и мысль, что я могу оказаться смешанной с женщинами, которых вы презираете, и подвергнуться столь же легкомысленному обращению. Все это, вместе взятое, исторгло у меня слезы и, возможно, заставило – не без основания, полагаю, – сказать, что я несчастна. Выражение это, которое вы находите таким сильным, наверно, звучало бы весьма слабо, если бы причина моих слез и моих слов была другая, если бы, вместо того чтобы осуждать чувства, которые должны быть для меня оскорбительными, я могла бы опасаться, что способна их разделить.

Нет, сударь, такого опасения я не испытываю. Будь оно у меня, я бежала бы за сотни лье от вас и удалилась бы куда-нибудь в пустыню оплакивать злосчастную встречу с вами. Может быть, даже несмотря на полнейшую уверенность мою, что я не люблю вас и не люблю никогда, может быть, я поступила бы правильнее, если бы послушалась совета друзей – не подпускать вас близко к себе.

Я верила, – и это единственная моя ошибка, – я верила, что вы отнесетесь с уважением к честной женщине, которая больше всего стремилась видеть и в вас честного человека и отдать вам должное, которая защищала вас в то время, как вы оскорбляли ее своими преступными желаниями. Вы не знаете меня. Нет, сударь, вы меня не знаете. Иначе вы не возомнили бы, что заблуждения ваши дают вам какие-то права. На том основании, что вы вели со мной речи, которых мне не следовало слушать, вы вообразили, что вам позволено написать мне письмо, которого я не должна была читать. И при всем этом вы просите меня *руководить вашими поступками, внушать вам, что вы должны говорить!* Так вот, сударь, молчание и забвение – единственный совет, который мне подобает вам дать и которому вам подобает следовать. Тогда действительно вы обретете некоторое право на мою снисходительность, и лишь от вас зависело бы приобрести право даже на мою благодарность... Но нет, я не стану обращаться с просьбой к человеку, не проявившему ко мне уважения. Я не окажу доверия тому, кто посягнул на мою безопасность.

Вы заставляете меня остерегаться вас, может быть, даже ненавидеть, чего я отнюдь не желала. Я хотела видеть в вас лишь племянника самого уважаемого моего друга, и голос дружбы возвышала я против обвинявшего вас голоса общественного мнения. Вы все разрушили и, как я предвижу, ничего не захотите восстановить.

Мне остается, сударь, заявить вам, что чувства ваши меня оскорбляют, что признание в них является дерзким вызовом и прежде всего что я не только не способна когда-либо разделить их, но что вы заставите меня никогда больше с вами не видеться, если не принудите себя в дальнейшем к молчанию на этот счет. Молчанию, которого я, по-моему, имею право от вас

ожидать и даже требовать. К этому письму я присовокупляю то, которое вы написали мне, и надеюсь, что вы сообразовали в свою очередь возвратить мне настоящее мое письмо. Мне было бы крайне тягостно, если бы остался какой-либо след происшествия, которое вообще не должно было иметь места. Имею честь... и т. д.

Из ***, 21 августа 17...

Письмо 27

От Сесили Воланж к маркизе де Мертей

Боже мой, сударыня, как вы добры! Как хорошо вы поняли, что мне гораздо легче написать вам, чем говорить с вами! Только вот очень уж трудно все это сказать; но ведь вы мне друг, не правда ли? О да, вы мой добрый, добрый друг! Я постараюсь не бояться. И, кроме того, мне так нужны вы, ваши советы! Я ужасно от всего огорчаюсь; мне кажется, все догадываются, что я думаю, а главное – когда он присутствует, я краснею, как только кто-нибудь на меня взглянет. Вчера, когда вы заметили, что я плачу, дело было в том, что я хотела с вами поговорить, а потом не знаю уж, что меня остановило, и когда вы спросили, что это со мной, слезы хлынули сами собой. Я не смогла бы и слова вымолвить. Если бы не вы, мама все заметила бы и что бы тогда было со мной? А ведь так я все время и живу, особенно последние четыре дня!

Все началось с того дня, сударыня, – да, я уж вам скажу, – с того дня, когда кавалер Дансени написал мне. О, уверяю вас, когда я обнаружила его письмо, я и представления не имела, что это такое. Но я не хочу лгать и не могу сказать, что не получила очень большого удовольствия, когда читала его. Понимаете, я предпочла бы всю жизнь иметь одни огорчения, чем если бы он мне не написал. Но я хорошо знала, что не должна ему этого говорить, и могу вас уверить, я даже сказала ему, что очень на него за это сержусь, но он говорит, что это было сильнее его, и я ему охотно верю. Я ведь сама решила не отвечать ему и, однако, не смогла удержаться. О, я написала ему один лишь разок и даже отчасти, чтобы сказать ему, чтоб он мне больше не писал. Но, несмотря на это, он все время пишет, а так как я ему не отвечаю, я вижу, что он грустит, и меня это печалит еще больше. Я уже не знаю, что мне делать, что со мной станется, и, по правде сказать, меня можно пожалеть.

Скажите мне, пожалуйста, сударыня, очень ли было бы плохо, если бы я ему время от времени отвечала? Только до тех пор, пока он сам не решит прекратить мне писать и все не станет, как было прежде. Ибо, что касается меня, то, если это будет продолжаться, я не знаю, что со мной будет. Вы знаете, когда я читала его последнее письмо, я так плакала, что никак не могла успокоиться, и я уверена, что, если я ему и теперь не отвечу, мы совсем измучимся.

Я вам пришлю его письмо или сделаю копию, и вы сами сможете судить. Вы увидите, он ничего худого не просит. Однако, если вы найдете, что отвечать нельзя, я обещаю вам удержаться. Но я думаю, вы со мной согласитесь, что ничего дурного тут нет. Раз уж зашла об этом речь, сударыня, позвольте мне задать вам еще один вопрос: мне говорили, что любить кого-нибудь – дурно. Но почему? Я потому спрашиваю, что господин кавалер Дансени утверждает, будто ничего плохого в этом нет и что почти все люди любят. Если это так, то не вижу, почему бы я не должна была себе этого позволять. Или, может быть, это дурно только для девиц? Ведь я слышала, как мама говорила, что мадемуазель Д*** любит господина М***, и говорила она об этом совсем не как о чем-то особенно дурном. Однако я уверена, что она рассердилась бы на меня, если бы узнала о моих дружеских чувствах к господину Дансени. Она, мама, до сих пор обращается со мной, как с ребенком, и ничего мне не говорит. Когда она взяла меня из монастыря, я думала, она хочет выдать меня замуж, а теперь мне кажется, что нет. Не то чтобы меня это очень волновало, уверяю вас, но вы с ней в такой дружбе и, может быть, знаете, как обстоит дело, а если знаете, я надеюсь, вы мне скажете.

Длинное получилось письмо, сударыня, но вы ведь позволили мне писать вам. Я и воспользовалась этим, чтобы все вам поведать, и очень рассчитываю на вашу дружбу.

Имею честь и т. д.
Париж, 23 августа 17...

Письмо 28

От кавалера Дансени к Сесили Воланж

И так, мадемуазель, вы по-прежнему отказываетесь отвечать мне? Ничто не может поколебать вас, и каждый новый день уносит с собой надежду, которую он мне сулил! Вы признаёте как будто, что между нами существует дружба, но что это за дружба, если она недостаточно сильна, чтобы растрогать вас моими страданиями, если вы все так же холодны и невозмутимы, в то время как меня сжигает мучительный пламень, которого я не в силах погасить; если она не только не внушает вам доверия, но ее не хватает и на то, чтобы пробудить в вас жалость? Как, друг ваш страдает, а вы ничего не делаете, чтобы ему помочь! Он просит одного лишь слова, а вы ему отказываете! И вы хотите, чтобы он довольствовался таким слабым чувством, в котором вы ко всему еще боитесь лишний раз заверить его!

Вчера вы сказали, что не хотели бы быть неблагодарной. Ах, поверьте мне, мадемуазель, стремление заплатить за любовь дружбой означает не боязнь быть неблагодарной, а лишь страх показаться ею. Однако я больше не решаюсь говорить вам о чувстве, которое может быть лишь тягостным для вас, если оно вам чуждо. Я должен уметь хотя бы таить его, пока не научусь побеждать. Я хорошо понимаю, как это будет трудно; я не скрываю от себя, что мне понадобятся все мои силы; я испробую все средства; одно из них будет особенно мучительным для моего сердца: без конца повторять себе, что ваше сердце бесчувственно. Я постараюсь даже видеться с вами как можно реже и уже изыскиваю для этого подходящий предлог.

Как! Я вынужден буду отказаться от сладостной привычки видеть вас каждый день! Ах, во всяком случае, я никогда не перестану сожалеть об этом. Вечное горе будет расплатой за нежнейшую любовь, и это случится по вашей вине, и это будет делом ваших рук. Я чувствую, что никогда не обрету вновь счастья, которое сейчас теряю. Лишь вы одна созданы были для моего сердца. С какой радостью дал бы я клятву жить только ради вас. Но вы не хотите принять ее. Ваше молчание ясно говорит мне, что в вашем сердце я не рождаю никакого отклика, оно лучше всего доказывает ваше равнодушие и одновременно самым жестоким способом дает мне это понять. Прощайте, мадемуазель.

Я не смею уже надеяться на ответ: любовь написала бы его, не медля ни минуты, дружба – с радостью, и даже жалость – с добрым чувством. Но и жалость, и дружба, и любовь равно чужды вашему сердцу.

Париж, 23 августа 17...

Письмо 29

От Сесили Воланж к Софи Карне

Я ведь говорила тебе, Софи, бывают случаи, когда писать можно, и, уверяю тебя, раскаиваюсь, что последовала твоему совету, причинившему нам – кавалеру Дансени и мне – столько горя. В доказательство, что я была права, скажу тебе, что госпожа де Мертей – женщина, во всех этих вещах уж наверно отлично разбирающаяся, – в конце концов стала думать, как я. Я ей во всем призналась. Сперва она, правда, говорила то же, что и ты, но, когда я ей все объяснила, она согласилась, что это совсем другое дело. Она лишь требует, чтобы я показывала ей все мои письма и все письма кавалера Дансени, так как хочет быть вполне уверенной, что я пишу только так, как нужно. И теперь я совершенно спокойна. Боже мой, как я люблю госпожу де Мертей! Она так добра! И к тому же она женщина весьма уважаемая. Таким образом, против этого нечего и возразить.

С какой радостью напишу я господину Дансени, и как он будет доволен! Он обрадуется даже больше, чем думает, так как до сих пор я говорила ему только о дружбе, а он все время хотел, чтобы я сказала о своей любви. Я-то считаю, что это одно и то же, но все же не решалась, а он настаивал. Я сказала об этом госпоже де Мертей, и она ответила, что я права, что признаваться в любви нужно лишь тогда, когда молчать уже нет возможности. А я как раз уверена, что больше у меня не хватит сил сдерживаться. В конце концов это ведь все равно, а ему будет приятнее.

Госпожа де Мертей сказала мне также, что даст мне книги, в которых обо всем этом говорится и которые научат меня правильно вести себя и писать лучше, чем я это делаю. Ибо, видишь ли, она указывает мне все мои недостатки, а это значит, что она меня крепко любит. Она только посоветовала мне ничего не говорить об этих книгах маме, потому что кто-нибудь, пожалуй, еще скажет, что она пренебрегала моим воспитанием, а это может ей быть неприятно. О, конечно, я ей ничего не скажу.

Как все же странно, что женщина, почти мне чужая, больше заботится обо мне, чем родная мать! Какое счастье для меня, что я с ней познакомилась!

Она попросила также у мамы позволения взять меня послезавтра в Оперу, в свою ложу. Мне она сообщила, что мы там будем одни и сможем все время беседовать, не опасаясь, что нас услышат. Это даже лучше, чем сама опера. Мы поговорим о моем замужестве, так как, по ее словам, я действительно вскоре должна выйти замуж, но нам не удалось пока поговорить об этом подробнее. Кстати, неудивительно ли и то, что мама ни слова мне об этом не сказала?

Прощай, моя Софи. Иду писать кавалеру Дансени. О, я ужасно рада.

Из ***, 24 августа 17...

Письмо 30

От Сесили Воланж к кавалеру Дансени

Наконец, сударь, соглашаюсь я написать вам и заверить вас в моей дружбе, в моей любви, раз уж без этого вы будете несчастны. Вы говорите, что у меня нет сердечной доброты. Уверяю вас, что вы ошибаетесь, и надеюсь, что теперь у вас уж не осталось никаких сомнений. Если вы страдали оттого, что я вам не писала, то неужели вы думаете, что и я тоже не огорчалась? Но дело в том, что я ни за что на свете не хотела бы сделать чего-либо дурного, и я даже, наверно, не призналась бы в любви к вам, если бы могла удержаться, но ваша печаль была для меня слишком мучительной. Надеюсь, что теперь вы уж перестанете грустить и мы будем очень счастливы.

Я рассчитываю на удовольствие видеть вас сегодня вечером и на то, что вы придете пораньше; все равно это никогда не будет так рано, как мне хотелось бы. Мама ужинает дома, и я думаю, что она пригласит вас остаться. Надеюсь, что вы не будете заняты, как позавчера. На том ужине, куда вы отправлялись, было, наверно, очень весело? Ведь вы поторопились уйти очень рано. Но не будем об этом говорить. Я надеюсь, что теперь, когда вы знаете, что я вас люблю, вы будете оставаться со мной так долго, как только сможете. Я ведь радуюсь только тогда, когда бываю с вами, и хотела бы, чтобы и для вас это было так же.

Я очень огорчена, что сейчас вы еще грустны, но это уж не по моей вине. Я попрошу вас принести мне арфу, как только вы придете, чтобы вы тотчас же получили мое письмо. Ничего лучшего придумать не могу.

Прощайте, сударь. Я очень люблю вас, всем сердцем. И чем чаще я об этом говорю, тем становлюсь счастливее. Надеюсь, что и вы будете счастливы.

Из ***, 24 августа 17...

Письмо 31

От кавалера Дансени к Сесили Воланж

Да, разумеется, мы будем счастливы. Счастье мое обеспечено, раз вы любите меня; вашему никогда не будет конца, если оно продлится столько же, сколько любовь, которую вы мне внушили. Как! Вы любите меня, вы уже не боитесь уверить меня в своей любви! *Чем чаще вы мне об этом говорите, тем вы счастливее!* Прочтя это прелестное я люблю вас, написанное вашей рукой, я тут же услышал это признание из ваших прекрасных уст. Я увидел, как на мне остановился пленительный этот взор, который нежное чувство сделало еще восхитительней. Я получил от вас клятву жить только для меня. Примите же и мою – посвятить всю мою жизнь вашему счастью, примите ее и будьте уверены, что я никогда ей не изменю.

Какой блаженный день провели мы вчера! Ах, почему у госпожи де Мертей не каждый день есть что сказать по секрету вашей маме? Почему мысль об ожидающих нас препятствиях должна примешиваться к сладостному воспоминанию, которое владеет мною? Почему не могу я непрерывно держать в своих руках прелестную ручку, начертавшую мне слова: *Я люблю вас!* – покрывать ее поцелуями, хоть этим вознаграждая себя за ваш отказ в большей милости!

Скажите, моя Сесиль, когда ваша мама вернулась, когда ее присутствие вынудило нас обмениваться лишь равнодушными взглядами, когда вы уже не могли уверениями в своей любви утешать меня в том, что не хотите мне ее доказать, – неужели не испытали вы ни малейшего сожаления, не сказали себе: «Поцелуй сделал бы его счастливее, но я сама лишила его этого счастья?» Обещайте мне, милый мой друг, что при первом же удобном случае вы окажетесь менее суровой. В этом обещании обрету я мужество перенести все превратности, уготованные нам судьбою, и жестокие лишения будут смягчены хотя бы уверенностью, что вы также сожалеете о них.

Прощайте, прелестная моя Сесиль, наступило время идти к вам. Я не в состоянии был бы сейчас покинуть вас, если бы не мысль, что я делаю это лишь для того, чтобы увидеться с вами. Прощайте, столь мною любимая! Вы, которую я буду любить все больше и больше!

Из ***, 25 августа 17...

Письмо 32

От госпожи де Воланж к президентше де Турвель

И так, вы хотите, сударыня, чтобы я поверила в добродетель господина де Вальмона? Признаюсь, что не могу на это решиться и что мне так же трудно считать его порядочным человеком на основании одного лишь факта, о котором вы рассказали, как и счесть порочным какого-нибудь благородного человека, узнав об одном лишь неблагоприятном его поступке. Род человеческий не совершенен ни в чем – ни в дурном, ни в хорошем. Негодяй может иметь свои достоинства, как и честный человек – свои слабости. Мне представляется, что считать это истиной тем более важно, что именно отсюда вытекает необходимость снисхождения к злым так же, как и к добрым, и что истина эта одних предохраняет от гордыни, а других – от отчаяния. Вы, наверно, найдете, что в данном случае я не очень-то следую снисходительности, которую проповедую. Но я считаю ее лишь пагубной слабостью, если она ведет к тому, что мы начинаем одинаково относиться и к порочному и к благородному человеку.

Я не позволю себе доискиваться, по каким причинам господин де Вальмон совершил свой поступок. Готова верить тому, что они похвальны, как и сам этот поступок. Но разве, несмотря на это, господин де Вальмон не занимался всю свою жизнь тем, что вносил в честные семьи смятение, бесчестие и позор? Прислушайтесь, если хотите, к голосу несчастного, которому господин де Вальмон оказал помощь, но пусть голос этот не заглушает вопли сотен жертв, которых он погубил. Если он, как вы говорите, лишь пример того, как опасны бывают связи, то разве от этого он сам перестает быть опасной связью? Вы считаете его способным возвратиться на путь истинный? Пусть так; предположим даже, что чудо это совершилось. Но ведь общественное мнение будет по-прежнему против него, и разве этого недостаточно для того, чтобы руководить вашим поведением? Одному господу дано прощать в миг раскаянья: ведь он читает в сердцах. Но люди могут судить о намерениях лишь по поступкам, и никто из них, потеряв уважение других людей, не имеет права жаловаться на законное недоверие, вследствие которого утраченное уважение восстанавливается с таким трудом. Подумайте в особенности, юный Друг мой, что иногда для того, чтобы потерять его, достаточно лишь напустить на себя вид, будто слишком мало его ценишь. И не считайте подобную строгость несправедливою, ибо, с одной стороны, есть все основания полагать, что человек не отказывается от столь ценного блага, если имеет право на него притязать, а с другой стороны, действительно, тот, кого не сдерживает эта мощная узда, всегда находится ближе к злу. А ведь именно такой вид имели бы вы в глазах общества, если бы у вас завязалась близкая дружба с господином де Вальмоном, как бы она ни была невинна.

Меня испугала горячность, с какою вы его защищаете, и потому я спешу предвосхитить вероятные ваши возражения. Вы назовете мне госпожу де Мертей, которой простили эту связь. Вы спросите, почему я его принимаю. Вы скажете, что он не только не отвергнут порядочными людьми, но что он принят и даже пользуется успехом в так называемом избранном обществе. Я думаю, что смогу ответить вам на все.

Что до госпожи де Мертей, то она, будучи действительно достойной всяческого уважения, имеет, может быть, лишь тот недостаток, что чрезмерно уверена в собственных силах: она ловкий возница, которому забавно ехать, лавируя среди скал и над пропастями, и которого оправдывает лишь успех. Справедливо хвалить ее за это, но опасно было бы следовать ее примеру: она сама согласна с этим и порицает себя. По мере того как увеличивается ее

жизненный опыт, она становится строже, и я не побоюсь заверить вас, что в данном случае она была бы со мной согласна.

Что до меня лично, то я не стану оправдывать себя больше, чем других. Конечно, я принимаю господина де Вальмона, и он всеми принят: это еще одна непоследовательность наряду с тысячей других, которые управляют обществом. Вы не хуже меня знаете, что все замечают их, сетуют на них и продолжают им подчиняться. Господин де Вальмон – человек с хорошим именем, большим состоянием, множеством приятных качеств – рано осознал, что для того чтобы подчинить себе общество, достаточно уметь с одинаковой ловкостью пользоваться похвалой и насмешкой. Никто не владеет в такой степени этим двойным даром: при помощи одного он ободряет, другой внушает к нему страх. Его не уважают, но ему льстят. Таково положение, занимаемое им в нашем свете, который, будучи более осторожным, чем мужественным, предпочитает не бороться с ним, а жить в мире.

Но ни сама госпожа де Мертей и никакая другая женщина, наверно, не осмелилась бы запереться где-то в деревне почти наедине с подобным человеком. И самой скромной, самой благонаправленной из всех суждено было подать пример такой беззаботности! Простите мне это слово: оно продиктовано дружбой. Милый мой друг, сама ваша честность, внушая вам чувство безопасности, предает вас. Подумайте, что судьями будут, с одной стороны, люди ветреные, несклонные верить в добродетель, которой им не обнаружить в своей среде, а с другой – злонамеренные, которые станут делать вид, что не верят в нее, чтобы отомстить вам за то, что вы ею обладаете. Подумайте: на то, что вы сейчас делаете, не решились бы и многие мужчины. Право же, среди молодых людей, чьим слишком уж бесспорным оракулом является господин де Вальмон, наиболее благоразумные опасаются казаться слишком близко связанными с ним. А вы, вы этого не боитесь! Ах, возвращайтесь, возвращайтесь скорей, заклинаю вас... Если доводов моих недостаточно, чтобы убедить вас, уступите хотя бы моему дружескому чувству. Это оно заставляет меня возобновлять настояния, и оно должно оправдать их. Вам оно покажется слишком строгим, а я хотела бы, чтобы призыв его оказался излишним. Но я предпочитаю, чтобы вы больше жаловались на чрезмерную заботливость моей дружбы, чем на ее нерадивость.

Из ***, 24 августа 17...

Письмо 33

От маркизы де Мертей к виконту де Вальмону

Раз вы страшитесь успеха, любезный виконт, раз вы сами намерены снабдить противника оружием и меньше стремитесь победить, чем сражаться, мне больше нечего сказать вам. Поведение ваше – верх осмотрительности. Не будь так, оно было бы верхом глупости. По правде сказать, я боюсь, что вы сами себя обманываете.

Упрекаю я вас не за то, что вы упустили момент. С одной стороны, я не очень уверена, что он наступил, а с другой стороны, несмотря на все, что по этому поводу говорится, я отлично знаю, что упущенный случай всегда может снова представиться, меж тем как опрометчивый шаг не всегда удастся исправить.

Но настоящий ваш промах в том, что вы затеяли переписку. Сомневаюсь, чтобы вы в состоянии были предусмотреть сейчас, к чему это может привести. Уж не рассчитываете ли вы доказать этой женщине, что она должна сдаться? Мне представляется, что истиной этой проникаются под влиянием чувства, а не силою рассуждения, и чтобы убедить в ней, надо не доказывать, а растрогать. Но какой смысл растрогать письмами, раз вас самого не будет тут же, чтобы воспользоваться случаем? Пусть даже ваши красноречивые фразы вызовут любовное опьянение, – уж не обольщаете ли вы себя надеждой, что оно продлится достаточно долго, чтобы размышление не успело воспрепятствовать признанию? Подумайте, сколько времени потребуется для письма и сколько времени пройдет, пока письмо передадут по назначению, и прежде всего поразмыслите, может ли женщина с правилами, вроде этой вашей ханжи, долго хотеть того, чего она старается никогда не хотеть. Этот способ годится с девчонками, которые могут писать «я люблю вас», не сознавая, что тем самым говорят «я готова сдаться». Но, по-моему, рассудительная добродетель госпожи де Турвель отлично понимает значение слов. Вот почему, несмотря на преимущество, которое вы над ней получили в беседе, она нанесла вам поражение в письме. А знаете ли вы, что происходит в дальнейшем? Из-за одного того, что начал спорить, не хочешь уступать. Подыскивая все время убедительные доводы, находишь их, а потом держишься за них не столько потому, что они так уж хороши, сколько для того, чтобы не проявить непоследовательности.

К тому же – удивляюсь, как вы этого сами не заметили! – труднее всего в любовных делах – это писать то, чего не чувствуешь. Я имею в виду – правдоподобно писать: пользуешься ведь все одними и теми же словами, но располагаешь их не так, как следует, или, вернее сказать, располагаешь их по порядку – и всё тут. Перечитайте свое письмо: оно написано так последовательно, что каждая фраза выдает вас с головой. Охотно верю, что президентша ваша достаточно неопытна, чтобы этого не заметить, но разве это важно? Должного впечатления оно все равно не произведет. Это как в большинстве романов: автор из сил выбивается, стараясь изобразить пыл, а читатель остается холодным. Единственное исключение – «Элоиза». И, несмотря на весь талант ее автора, именно это наблюдение всегда внушало мне мысль, что в основе «Элоизы» лежит истинное происшествие. Не то, когда говоришь. Имея привычку владеть своим голосом, легко придаешь ему чувствительность, а к этому добавляется умение легко проливать слезы. Взгляд горит желанием, но оно сочетается с нежностью. Наконец, при некоторой бессвязности живой речи легче изобразить смятение и растерянность, в которых и состоит подлинное красноречие любви. В особенности же присутствие предмета нашей любви мешает нам рассуждать и заставляет желать поражения. Поверьте мне, виконт, раз вас просят больше не писать, воспользуйтесь этим, чтобы исправить свою

ошибку, и ждите случая заговорить. Знаете ли, эта женщина сильнее, чем я думала. Она умело защищается, и если бы письмо не было таким длинным и фразой насчет благодарности она не давала вам повод начать все заново, то совсем не выдала бы себя.

Мне кажется, вы можете быть уверены в успехе уже потому, что она тратит слишком много сил сразу. Я предвижу, что она исчерпает их в словесной защите, а на защиту самой себя у нее уже ничего не останется.

Возвращаю вам оба ваши письма, и, если вы склонны соблюдать осторожность, они будут последними до мгновения, когда вы обретете счастье. Жаль, уже поздний час, а то я поговорила бы с вами о маленькой Воланж, – она делает большие успехи, и я ею очень довольна. Кажется, я добьюсь своего раньше, чем вы; радуйтесь этому, виконт. На сегодня – прощайте.

Из ***, 24 августа 17...

Письмо 34

От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей

Вы необыкновенно красноречивы, прелестный мой друг, но зачем так выбиваться из сил, доказывая всем известные вещи? Чтобы добиться успеха в любви, лучше говорить, чем писать: вот, кажется, все, к чему сводится содержание вашего письма. Но ведь это же самые азы искусства оболъщения. Замечу только, что вы делаете лишь одно исключение из этого правила, а между тем их два. К девочкам, которые вступают на этот путь из робости и отдаются по неведению, надо прибавить умничающих, которые вступают на него из самолюбия и которых тщеславие заманивает в силки. Так, например, я уверен, что графиня де Б***, сразу ответившая на мое первое письмо, тогда любила меня не больше, чем я ее, и что она усматривала в переписке лишь возможность с некоторым блеском поговорить на тему любви.

Как бы то ни было, любой адвокат скажет вам, что общее правило отнюдь не всегда применимо к каждому данному случаю. Вы вот полагаете, что у меня имеется выбор между перепиской и живой речью, а дело обстоит не так. После того, что произошло девятнадцатого, бесчеловечная заняла оборонительные позиции и принялась избегать встреч, проявляя гораздо больше ловкости, чем я. Если так будет продолжаться, она вынудит меня всерьез подумать о способах получить в этом деле перевес. Ибо я, безусловно, не допущу, чтобы она хоть в чем-либо одержала победу. Даже письма мои служат поводом для маленькой войны. Не довольствуясь тем, что она оставляет их без ответа, она отказывается даже принимать их. При каждом письме надо прибегать к какой-нибудь хитрости, и они далеко не всегда удаются.

Вы помните, каким простым способом я передал ей первое письмо. Со вторым тоже было не труднее. Она попросила меня вернуть ей ее письмо, а я вместо того передал мое, не возбудив ни малейшего подозрения. Но то ли от досады, что я провел ее, то ли по капризу, то ли, наконец, из-за своей добродетели – ибо в конце концов она заставит меня в эту добродетель поверить, – она упорно отказывается принять третье. Однако я надеюсь, что неудобное положение, в которое ее едва не поставил этот отказ, исправит ее на будущее время.

Я был не слишком удивлен, когда она отказалась принять письмо, которое я ей просто подал: это уже означало бы пойти на известную уступку, а я ожидаю более длительной обороны. После этой попытки, предпринятой, так сказать, мимоходом, для пробы, я вложил свое письмо в другой конверт и, избрав час ее туалета, когда с нею находилась госпожа де Розмонд и служанка, послал его с моим егерем, велев ему сказать ей, что это бумага, которую она у меня просила. Я верно угадал, что она побоится неудобного объяснения, к которому принудил бы ее отказ. И действительно, она взяла письмо, и мой посланец, которому сказано было приглядеться к выражению ее лица, заметил лишь легкий румянец – скорее смущения, чем гнева.

Поэтому я радовался, вполне уверенный, что либо она оставит это письмо у себя, либо, если пожелает вернуть его, ей придется побыть со мной наедине, что дало бы мне возможность поговорить с ней. Но примерно через час один из ее слуг является в мою комнату и передает мне от своей госпожи пакет иного вида, чем был мой; на конверте же я узнаю столь желанный мне почерк. Поспешно распечатываю...

В пакете находилось мое же собственное письмо, не распечатанное и лишь сложенное вдвое. Подозреваю, что на эту дьявольскую хитрость натолкнуло ее опасение, как бы я не оказался менее, чем она, щепетильным насчет огласки.

Вы знаете меня, и вам незачем описывать мое бешенство. Пришлось, однако, вновь обрести хладнокровие и изыскивать новые способы. Вот что я придумал.

Отсюда каждый день посылают за письмами на почту, находящуюся примерно в трех четвертях лье от замка. Для этой цели пользуются запертым ящиком, наподобие церковной кружки для сбора пожертвований, один ключ от которого хранится у начальника почты, а другой – у госпожи де Розмонд. Каждый из обитателей замка опускает в него свои письма в любое время в течение дня, и вечером их относят на почту, а утром приносят с почты письма, адресованные в замок. Все слуги, как хозяйские, так и посторонние, выполняют эту обязанность поочередно. Была очередь не моего слуги, но он вызвался пойти на почту под предлогом, что в ту сторону ему надо по делу.

Я же написал свое письмо. На конверте я изменил почерк и довольно удачно подделал дижонский почтовый штемпель, потому что мне казалось забавным, добываясь тех же прав, что и муж, писать оттуда, где он находится, а также и потому, что прелестница моя весь день говорила, что очень хотела бы получить письма из Дижона. Я счел за благо доставить ей это удовольствие.

Приняв все эти меры предосторожности, легко было присоединить это письмо к прочим. Благодаря такому способу я выиграл и возможность быть свидетелем того, как оно будет принято, ибо здесь в обычае, собравшись к завтраку, ждать доставки писем прежде, чем разойтись. Наконец принесли письма.

Госпожа де Розмонд открыла ящик. «Из Дижона», – сказала она, передавая письмо госпоже де Турвель. «Это не почерк мужа», – заметила та с беспокойством, поспешно ломая печать. С первого же взгляда она поняла, в чем дело, и лицо ее так изменилось, что госпожа де Розмонд обратила на это внимание и спросила: «Что с вами?» Я тоже подошел со словами: «В этом письме что-нибудь ужасное?» Робкая богомолка глаз не смела поднять, не произносила ни слова и, чтобы скрыть смущение, делала вид, что пробегает глазами послание, которого не в состоянии была прочесть. Я наслаждался ее смятением и, будучи не прочь слегка подразнить ее, добавил: «Вы как будто успокоились. Можно надеяться, что это письмо скорее удивило, чем огорчило вас». Тогда гнев вдохновил ее лучше, чем могла бы сделать осторожность. «В этом письме, – ответила она, – содержатся вещи, которые меня оскорбляют, и я удивляюсь, как мне осмелились их написать». – «Кто же это?» – прервала госпожа де Розмонд. «Оно без подписи, – ответила разгневанная красавица, – но и письмо и автор его вызывают во мне одинаковое презрение. Меня бы очень обязали, если бы больше не заговаривали со мной о нем». С этими словами она разорвала дерзновенное послание, сунула клочки в карман, встала и вышла из комнаты. Но сколько бы она ни гневалась, а письмо все же было у нее, и я надеюсь, что любопытство побудило ее прочитать его целиком.

Подробное описание этого дня завело бы меня слишком далеко. Приложу черновики обоих моих писем: вы будете осведомлены не хуже меня самого. Если вы хотите быть в курсе этой переписки, придется вам научиться разбирать мои каракули, ибо ни за что на свете не соглашусь я на скуку еще раз переписывать их набело. Прощайте, мой милый друг.

Из ***, 25 августа 17...

Письмо 35

От виконта де Вальмона к президентше де Турвель

Я должен повиноваться вам, сударыня, я должен доказать вам, что, несмотря на все мои прегрешения, в которые вам угодно верить, у меня все же достаточно чуткости, чтобы не позволить себе ни единого упрека, и довольно мужества, чтобы заставить себя принести самые тяжкие жертвы. Вы предписываете мне молчание и забвение! Что ж, я заставлю свою любовь молчать и позабуду, если окажусь в силах, жестокость, с которой вы к ней отнеслись. Разумеется, желание быть вам угодным еще не давало мне на это права, и я готов признать: одно лишь то, что мне так нужна ваша снисходительность, не было еще достаточным основанием добиться ее от вас. Но, усматривая в любви моей оскорбление, вы забываете, что если это грех, то вы сами одновременно и причина его и оправдание. Забываете вы также, что я уже привык открывать вам свою душу даже тогда, когда доверчивость могла принести мне вред, и уже не в состоянии был скрывать от вас обуревающие меня чувства. Вы же считаете следствием моей дерзости то, что порождено чистосердечной откровенностью. В награду за любовь самую нежную, самую благоговейную, самую подлинную вы отбрасываете меня далеко от себя. Вы говорите мне даже о своей ненависти... Кто бы не стал жаловаться на подобное обращение? Один я покоряюсь и безропотно все переношу: вы наносите мне удары, а я продолжаю поклоняться вам. Немыслимая власть ваша надо мною делает вас самодержавной владычицей моих чувств, и если противостоит вам одна лишь любовь моя, если ее вы не в силах разрушить, то лишь потому, что она – ваше творение, а не мое.

Я не прошу взаимности, ибо никогда не обольщался надеждой на нее. Я не жду даже и жалости, хотя мог бы на нее надеяться, помня о внимании, которое вы ко мне порой проявляли. Но, признаюсь, мне кажется, я могу просить о справедливости.

Я узнал от вас, сударыня, что кто-то постарался повредить мне в ваших глазах. Если бы вы следовали советам друзей, то не позволили бы мне даже приблизиться к вам – таковы собственные ваши слова. Кто же эти столь ревностные друзья? Несомненно, люди столь строгие, столь неподкупно добродетельные не стали бы возражать, если бы вы их назвали. Несомненно, они не пожелали бы остаться в тени, что смешало бы их с самыми низкими клеветниками, и мне не останутся неизвестными ни имена их, ни обвинения. Подумайте, сударыня, что раз вы судите меня на этом основании, я имею право узнать и то, и другое. Подсудимому не выносят приговора, не сказав, в чем он обвиняется, и не назвав обвинителей. Я не прошу никакой иной милости и заранее ручаюсь, что сумею оправдаться, сумею заставить их отречься от своих обвинений.

Если я, быть может, слишком презирал пустую молву людей, чьим мнением мало дорожу, то ваше уважение – дело совсем иное, и если я готов всю жизнь посвятить тому, чтобы завоевать его, то не позволю никому безнаказанно отнять его у меня. Оно для меня тем драгоценнее, что ему я буду, без сомнения, обязан просьбой, с которой вы опасаетесь ко мне обратиться и которая, по вашим словам, дала бы мне право на вашу признательность. Ах, я не только не стал бы домогаться ее, я, напротив, вам был бы обязан ею, если бы вы дали мне возможность сделать вам приятное. Начните же с того, чтобы отнестись ко мне более справедливо, и не скрывайте, чего бы вы от меня желали. Если бы я мог догадаться, в чем дело, то освободил бы вас от труда самой заговаривать об этом. К радости видеть вас добавьте счастье послужить вам, и я стану восхвалять вашу доброту. Что может останавливать вас? Не боязнь же отказа, надеюсь? Я чувствую, что этого не в силах был бы вам простить. То,

что я не возвращаю вам вашего письма, – не отказ. Больше, чем вы, хотел бы я, чтобы оно не было мне необходимо. Но я, привыкнув верить, что у вас нежная душа, я лишь в этом письме обретаю вас такой, какой вы стремитесь казаться. Когда я молю небо о том, чтобы вы стали чувствительней, – из вашего письма заключаю я, что вы скрылись бы за сотню лье от меня скорее, чем согласились бы на это. Когда все в вас усиливает и оправдывает мою любовь, оно снова повторяет мне, что любовь моя для вас – оскорбление; и когда, видя вас, любовь эту я считаю высшим благом, мне надо прочитать написанное вами, чтобы убедиться, что она – лишь жестокая пытка. Теперь вам будет понятно, что самым большим счастьем для меня было бы иметь возможность вернуть вам это роковое письмо. Требовать его у меня и теперь – означало бы разрешить мне не верить больше тому, что в нем написано. Надеюсь, вы не сомневаетесь, с какой готовностью вернул бы я вам его.

Из ***, 25 августа 17...

Письмо 36

От виконта де Вальмона к президентше де Турвель (с дижонским штемпелем)

С каждым днем, сударыня, усиливается ваша суровость, и, смею сказать, вы, по-видимому, менее страшитесь быть несправедливой, чем проявить снисходительность. После того как вы осудили меня, даже не выслушав, вы, надо полагать, почувствовали, что вам проще будет не читать моих доводов, чем отвечать на них. Вы упорно отказываетесь принимать мои письма и с презрением возвращаете их. Вы, наконец, принуждаете меня хитрить именно тогда, когда единственная моя цель – убедить вас в моем чистосердечии. Вы довели меня до необходимости защищаться, и пусть это будет достаточным извинением для тех средств защиты, к которым я прибегаю. Кроме того, искренность моего чувства убеждает меня, что для его оправдания в ваших глазах достаточно будет, если вы лучше его узнаете, и лишь потому я позволил себе эту небольшую хитрость. Смею надеяться также, что вы мне ее простите и вас не удивит, что любовь более изобретательна в способах проявить себя, чем равнодушие – в преградах, которые оно ставит любви.

Позвольте же, сударыня, сердцу моему до конца открыться перед вами. Оно принадлежит вам, и нужно, чтобы вы его знали.

Приехав к госпоже де Розмонд, я ни в малейшей степени не предвидел ожидающей меня участи. Я понятия не имел, что вы у нее гостите, и со свойственной мне правдивостью добавлю, что, знай я даже об этом, мой душевный покой отнюдь не был бы нарушен. Не то чтобы я не отдавал красоте вашей то должное, в чем ей невозможно отказать, но, привыкший к тому, чтобы испытывать одни только желания и предаваться лишь тем из них, которые поощряет надежда, я не знал мук настоящей любви.

Вы были свидетельницей настоятельных просьб и уговоров госпожи де Розмонд, желавшей удержать меня на некоторое время. Я уже провел один день в вашем обществе; тем не менее я уступил, или же мне казалось, что я уступил лишь естественному и законному стремлению оказать внимание уважаемой мною родственнице. Образ жизни, который мы здесь вели, разумеется, весьма отличался от привычного для меня. Однако я безо всякого труда приспособился к нему, и, не пытаясь разобраться в причинах происшедшей во мне перемены, я опять же приписывал ее лишь легкости своего характера, о которой, кажется, вам уже говорил.

К несчастью (но почему это должно было быть несчастьем?), ближе познакомившись с вами, я вскоре понял, что чарующий облик, поразивший меня сперва, был наименьшим из ваших достоинств: ангельская душа ваша изумила, покорила мою душу. Я восхищался красотой, я стал поклоняться добродетели. Не притязая на обладание вами, я старался вас заслужить. Прося вашей снисходительности за прошлое, я мечтал о сочувствии на будущее. Я искал его в ваших речах, подстерегал у вас во взоре, в этом взоре, источавшем яд тем более губительный, что изливался он не намеренно, а принимался мною безо всякого подозрения.

Тогда и познал я любовь. Но как далек был я от того, чтобы на это жаловаться! Твердо решив наложить на нее печать молчания, я без опасений и без удержу отдался этому сладостному чувству. С каждым днем власть его надо мной увеличивалась. Вскоре радость видеть вас превратилась для меня в необходимость. Стоило вам на мгновение удалиться, и сердце мое сжимала тоска; от звука шагов, возвещавших мне ваше возвращение, оно радостно трепетало. Я существовал лишь благодаря вам и для вас. И, однако, – призываю вас же в сви-

детели – посреди резвых игр или в пылу беседы о вещах значительных вырвалось ли у меня когда-нибудь хоть одно слово, которое выдавало бы тайну моего сердца?

Наконец наступил день, положивший начало моему злосчастью, и по воле некоего непостижимого рока сигналом для него явился великодушный поступок. Да, сударыня, именно среди бедняков, которым я оказал помощь, вы, подавшись благороднейшей чувствительности, которая украшает самую красоту и делает еще драгоценнее добродетель, вы окончательно смутили сердце, и без того опьяненное неукротимой любовью. Может быть, вы припомните, какая озабоченность охватила меня по возвращении? Увы! Я пытался бороться с влечением, становившимся уже сильнее меня.

После того как силы мои уже иссякли в неравной борьбе, случай, которого нельзя было предвидеть, оставил меня наедине с вами. Тут – признаюсь в этом – я поддался искушению. Переполненное сердце мое не смогло сдержать речей и слез. Но разве это преступление? А если и так, то разве я недостаточно наказан за него одолевающими меня жестокими муками?

Пожираемый безнадежной любовью, я молю вас о жалости, а в ответ получаю ненависть. У меня нет иного счастья, как видеть вас, глаза мои невольно обращаются к вам, но я трепещу при мысли, что могу встретиться с вами взглядом. Вы повергли меня в мучительное состояние: днем я стараюсь не обнаруживать своих терзаний, а ночами предаюсь им. Вы же в своем невозмутимом спокойствии узнаете об этих страданиях лишь постольку, поскольку являетесь их причиной, и радуетесь им. И при этом жалобы исходят от вас, а оправдываться вынужден я.

Однако же таков, сударыня, правдивый рассказ о том, что вы именуете моими прегрешениями и что, может быть, справедливее было бы назвать бедствием. Чистая, искренняя любовь, неизменная почтительность, полная покорность – вот чувства, мне вами внушенные! Я не побоялся бы повергнуть их даже перед божеством. О вы, лучшее его творение, подражайте ему в милосердии! Подумайте о моих жестоких мучениях, подумайте в особенности о том, что благодаря вам разрываюсь я между отчаянием и блаженством и что первое же произнесенное вами слово навсегда решит мою участь.

Из ***, 23 августа 17...

Письмо 37

От президентши де Турвель к госпоже де Воланж

Я подчиняюсь, сударыня, советам, которые дает мне ваша дружба. Я настолько привыкла руководствоваться во всем вашими мнениями, что охотно верю в их неизменную правоту. Готова даже признать, что господин де Вальмон, по-видимому, действительно крайне опасный человек, раз он может одновременно и притворяться таким, каким он кажется здесь, и быть на самом деле таким, каким вы его рисуете. Как бы то ни было, но раз вы настаиваете, я удалю его от себя, во всяком случае – сделаю для этого все возможное, ибо зачастую вещи, которые по существу должны были бы быть вполне простыми, оказываются весьма затруднительными.

По-прежнему я считаю невозможным просить об этом его тетюшку. Такая просьба явилась бы обидной для них обоих. Не хотелось бы мне и уезжать самой: если, помимо относящихся к господину де Турвелью причин, о которых я вам уже говорила, мой отъезд, что вполне возможно, раздосадует господина де Вальмона, ему ведь очень легко будет последовать за мною в Париж. И разве его возвращение, причиной которого я буду или представлюсь в глазах общества, не покажется более странным, чем встреча в деревне у особы, являющейся, как всем известно, его родственницей и моим другом?

Мне, следовательно, остается лишь одно: добиться от него, чтобы он сам соблаговолил уехать. Я понимаю, что предложить ему это довольно трудно. Однако поскольку он, видимо, хочет доказать мне, что в нем больше порядочности, чем все полагают, я не отчаиваюсь в успехе. Я даже не против того, чтобы попытаться это сделать и таким образом получить возможность убедиться, действительно ли, как он часто говорит, подлинно честные женщины не имеют и никогда не будут иметь поводов жаловаться на его поведение. Если он уедет, как я того желаю, это и вправду будет из внимания ко мне, ибо я не сомневаюсь, что он хотел бы провести здесь большую часть осени. Если на просьбу мою он ответит отказом и, проявив упрямство, останется, я всегда успею сама уехать и обещаю вам, что сделаю это.

Вот, сударыня, кажется, и все, чего требовала от меня ваша дружба. Спешу исполнить ваше желание и доказать вам, что, несмотря на *горячность*, с которой я защищала господина де Вальмона, я тем не менее готова не только прислушиваться к советам моих друзей, но и следовать им.

Имею честь и т. д.

Из ***, 25 августа 17...

Письмо 38

От маркизы де Мертей к виконту де Вальмону

Только что я получила от вас огромный пакет, любезный виконт. Если дата на нем верна, его должны были бы доставить на сутки раньше. Во всяком случае, если я выберу время ознакомиться с ним, то уж не успею ответить. Поэтому я предпочитаю лишь уведомить вас о получении его, а поговорим сегодня мы о другом. Это отнюдь не значит, что мне есть чем с вами поделиться. Осенью в Париже почти не остается мужчин, имеющих человеческий облик. Из-за этого я уже с месяц, как веду себя убийственно благонаравно, и всякий другой на месте моего кавалера устал бы от доказательств моего постоянства. Не занятая настоящим делом, я развлекаюсь маленькой Воланж и о ней-то и хочу с вами поговорить.

Знаете ли, что вы потеряли больше, чем думаете, отказавшись заняться этой девочкой? Она поистине очаровательна! Ни характера, ни правил; судите же, как легко и приятно находиться в ее обществе. Не думаю, чтобы она когда-нибудь блеснула силой чувства, но все свидетельствует о натуре, жадной до ощущений. Не имея ни ума, ни хитрости, она обладает известной, если можно так выразиться, природной лживостью, которой я сама иногда удивляюсь и которой уготован тем больший успех, что обликом своим эта девушка – само простодушие и невинность. От природы она очень ласкова, и порою это меня забавляет. Ее маленькую головку необыкновенно легко разгорячить, и тогда она становится тем более занятой, что не знает ничего, абсолютно ничего о том, что ей так хотелось бы знать. Ее охватывает пресмешное нетерпение: она смеется, сердится, плачет, а затем с совершенно пленительным простодушием начинает просить меня просветить ее. Право же, я почти ревную ее к тому, на чью долю выпадет это удовольствие.

Не знаю, сообщала ли я вам, что вот уже четыре или пять дней, как я имею честь быть ее наперсницей. Вы, конечно, догадываетесь, что сперва я напустила на себя строгость, но, как только заметила, что она вообразила, будто меня убедили ее шаткие доводы, я сделала вид, что считаю их превосходными. Она же всей душой убеждена, что достигла такого успеха своим красноречием: мне пришлось принять эту меру предосторожности, чтобы не скомпрометировать себя. Я позволила ей написать и даже употребить в письме слово «люблю», и в тот же день, хоть она об этом даже не подозревала, я устроила ей свидание наедине с ее Дансени. Но он, представьте себе, настолько еще простачок, что не добился от нее даже поцелуя! И, однако, мальчик этот пишет премилые стихи! Бог мой, до чего же все такие умники глупы! Этот глуп настолько, что я просто теряюсь: им-то я ведь руководить не могу.

Вот сейчас вы были бы мне очень полезны. Вы достаточно дружны с Дансени, чтобы он мог вам довериться, а если бы он это сделал, мы бы сразу сильно продвинулись вперед. Расшевелите же свою президентшу; я ни за что не хочу, чтобы для Жеркура все обошлось благополучно. Впрочем, вчера я поговорила о нем с этой юной особой и так его расписала, что он стал ей ненавистен не меньше, чем если бы она уже десять лет была его женой. Однако я произнесла целую проповедь насчет супружеской верности: в этом вопросе я непримиримо строга. Таким образом, я, с одной стороны, восстанавливаю в ее глазах свою добродетельную репутацию, которой могла бы повредить чрезмерная снисходительность, с другой – усиливаю в ней ненависть к будущему мужу, которой хочу его наградить. И, наконец, я надеюсь, что, если удастся убедить ее в том, что ей дозволено предаваться любви лишь в течение ее уже недолгого девичества, она тем скорее решит не терять оставшегося времени.

Прощайте, виконт. Сейчас я приступаю к своему туалету и начну читать присланный вами том.

Из ***, 27 августа 17...

Письмо 39

От Сесили Воланж к Софи Карне

Меня одолевают грусть и тревога, дорогая моя Софи. Почти всю ночь я проплакала. Не то чтобы в данный момент я не была счастлива, но только я предвижу, что это ненадолго.

Вчера я была в Опере с госпожой де Мертей; мы много говорили насчет моего замужества, и ничего хорошего я от нее не узнала. Выйти я должна за графа де Жеркура, и это будет в октябре. Он богат, знатен, командует полком. Пока все это отлично. Но, во-первых, он стар: представь себе, ему не менее тридцати шести лет! И, кроме того, госпожа де Мертей говорит, что он человек хмурый, строгий, и она опасается, что счастлива я с ним не буду. Я даже заметила, что она в этом вполне уверена, а прямо говорить не хочет, чтобы не огорчать меня. Почти весь вечер она говорила мне об обязанности жен по отношению к мужьям. Она признает, что господин де Жеркур человек совсем неприятный, и все же говорит, что я должна буду любить его. И еще она сказала, что, когда я выйду замуж, мне уже нельзя будет любить кавалера Дансени. Да разве же это возможно! О, уверяю тебя, я всегда буду его любить. Знаешь, я уж лучше предпочла бы совсем не выходить замуж. Пусть этот господин де Жеркур устраивается, как знает, я ведь его не искала. Сейчас он на Корсике,¹⁸ очень далеко отсюда; пусть бы он там оставался десять лет. Если бы я не боялась очутиться в монастыре, я бы уже сказала маме, что не пойду за него. Но это было бы только хуже. Не знаю, право, что и делать. Я чувствую, что никогда не любила господина Дансени так, как сейчас, и когда подумаю, что мне остается лишь месяц жить по-старому, у меня на глаза тотчас же навертываются слезы. Единственное мое утешение – дружба с госпожой де Мертей. У нее такое доброе сердце! Она разделяет все мои горести и так мила, что когда я с нею, то почти перестаю о них думать. К тому же она мне очень полезна, ибо тому немногому, что я знаю, научила меня она, и она такая добрая, что мне нисколько не стыдно делиться с нею всеми моими мыслями. Если она найдет что-нибудь нехорошим, то иногда и пожурит меня, но ласково, а потом я целую ее от всего сердца, пока она не перестанет сердиться. Ее-то я уж могу любить, сколько захочу, и ничего дурного тут не будет, чему я ужасно рада. Однако мы условились, что я не стану показывать, как сильно люблю ее, на людях, особенно же при маме, чтобы она ничего не заподозрила по поводу кавалера Дансени. Уверяю тебя, что если бы я могла всегда жить, как сейчас, мне кажется, я была бы совсем счастлива. Только вот этот противный господин де Жеркур... Но не стану больше вспоминать о нем, а то опять загрущу. Вместо того сяду писать кавалеру Дансени: буду говорить ему только о своей любви, а не о горестях, так как не хочу огорчать его.

Прощай, мой милый друг. Ты сама видишь, что жаловаться тебе не на что и, несмотря на мою *занятость*, как ты выражаешься, у меня остается время и любить тебя, и писать тебе.¹⁹

Из ***, 27 августа 17...

---

¹⁸ ...на Корсике. – В 1735 году Корсика отделилась от Генуэзской республики; для подавления корсиканского освободительного движения Генуя призвала в 1738 году на помощь Францию. Но и последней в течение тридцати лет не удавалось добиться успеха, пока, наконец, купив остров у Генуи за два миллиона франков (в 1768 г.), Франция не разбила вождя корсиканцев Паоли в 1769 году. Однако для умирения военные силы привлекались и впоследствии.

¹⁹ Мы по-прежнему опускаем письма Сесили Воланж и кавалера Дансени, как малоинтересные и не содержащие никаких событий.

Письмо 40

От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей

Моей жестокосердой мало того, что она не отвечает на мои письма и отказывается их принимать. Она хочет лишить меня возможности видеть ее, она требует, чтобы я уехал. И еще больше удивит вас, что я подчинюсь этой жестокости. Вы меня осудите. Однако я счел, что не должен упускать случая получить от нее приказание, ибо убежден, что, с одной стороны, тот, кто повелевает, сам себя отчасти связывает, а с другой – что кажущаяся власть, которую мы будто бы предоставляем над собой женщинам, является одной из тех ловушек, в которые им особенно трудно не попасться. Вдобавок она с такой ловкостью избегала всех случаев остаться со мной наедине, что это поставило меня в опасное положение, из которого мне, по-моему, следовало выбраться любой ценой, ибо я беспрестанно находился в ее обществе, не имея в то же время возможности занять ее своей любовью, и можно было опасаться, что под конец она привыкнет видеть меня без волнения. А вы сами знаете, как трудно изменить такое расположение духа.

Впрочем, вы догадываетесь, что, подчинившись, я поставил свои условия. Я даже позаботился о том, чтобы среди них оказалось одно невыполнимое. Это нужно мне для того, чтобы я волен был или сдержать свое слово, или нарушить его, а также для того, чтобы затеять устный или письменный спор в момент, когда прелестница моя особенно довольна мной или когда ей нужно, чтобы я был доволен ею. Не говорю уж о том, что я проявил бы слишком большую неловкость, если бы не сумел добиться какой-нибудь награды за отказ от данного притязания, как бы оно ни было невыполнимо.

Изложив вам в этом длинном вступлении свои доводы, сообщаю о событиях последних дней. В качестве документов прилагаю письмо моей прелестницы и мой ответ. Согласитесь, что мало найдется летописцев столь точных, как я.

Вы помните, какое впечатление произвело позавчера утром мое письмо из *Дижона*. Остаток дня прошел довольно бурно. Прекрасная недотрога явилась лишь к самому обеду и сказала, что у нее сильнейшая мигрень, – под этим скрывался самый отчаянный приступ раздражения, какой только может быть у женщины. Лицо у нее и впрямь было совсем другое. Известное вам выражение кротости сменилось строптивостью, придавшей ему новую прелесть. Я твердо решил использовать впоследствии это открытие и заменять иногда нежную любовницу строптивой. Предвидя, что остаток дня пройдет уныло, я решил избежать скуки и под предлогом писания писем удалился к себе. Около шести часов снова спустился в гостиную. Госпожа де Розмонд предложила прогуляться, что и было принято. Но в момент, когда мы сели в экипаж, мнимая больная с адским коварством выставила в свою очередь в качестве предлога – может быть, чтобы отомстить мне за мое отсутствие – новый приступ головной боли и безжалостно вынудила меня остаться вдвоем с моей тетушкой. Не знаю, были ли услышаны мои проклятья этому демону в женском образе, но по возвращении мы узнали, что она слегла.

На следующий день за завтраком это была совсем другая женщина. Природная кротость вернулась к ней, и я уже думал, что прощен. Едва дождавшись окончания завтрака, эта кроткая особа с безмятежным видом поднялась с места и направилась в парк. Вы сами понимаете, что я последовал за ней. «Почему это вам захотелось гулять?» – спросил я, подойдя к ней поближе. «Я много писала сегодня утром, – ответила она, – и голова у меня устала». – «Может быть, и я настолько счастлив, что могу поставить себе в вину эту усталость?» –

продолжал я. «Да, я вам написала, – ответила она снова, – но не решаюсь отдать письмо. В нем содержится одна просьба, а вы не приучили меня рассчитывать на исполнение моих просьб». – «Ах, клянусь, что если только это окажется в пределах возможного...» – «Нет ничего легче, – прервала она меня, – и хотя, может быть, вы по справедливости обязаны были бы ее исполнить, я готова принять ваше согласие, как милость». С этими словами она подала мне письмо. Я взял его, а одновременно и ее руку, которую она тотчас же отняла, но без гнева и скорее со смущением, чем с поспешностью. «Сегодня жарче, чем я думала, надо идти в дом». И она направилась в замок. Тщетно старался я убедить ее погулять еще немного, и лишь мысль о том, что нас могут увидеть, заставила меня ограничиться одним лишь красноречием.

Она вошла в дом, не проронив ни слова, и я отлично понял, что мнимая прогулка имела одну лишь цель – передать мне письмо. В замке она сразу же поднялась к себе, а я ушел в свою комнату, чтобы ознакомиться с ее посланием. Вам тоже следует прочесть его, равно как и мой ответ, прежде чем мы пойдем дальше...

Из ***, 27 августа 17...

Письмо 41

От президентши де Турвель к виконту де Вальмону

Судя по вашему поведению в отношении меня, сударь, вы только и делали, что ежедневно старались умножить причины моего недовольства вами. Упорство, с каким вы все время стремились говорить мне о чувстве, о котором я не хочу и не должна ничего слышать, злоупотребление моей доверчивостью или робостью, на которое вы решились, чтобы передавать мне письма, в особенности же тот, смею сказать, неблагоприятный прием, к которому вы прибегли, чтобы до меня дошло последнее из этих писем, причем не побоялись даже, что, пораженная вашей дерзостью, я не сумею ничего скрыть и буду скомпрометирована, – все это могло бы вызвать с моей стороны самые резкие и вполне заслуженные вами упреки. Однако вместо того, чтобы возвращаться к своим обидам, я ограничусь лишь тем, что обращусь к вам с просьбой столь же простой, сколь и вполне законной, и если вы согласитесь ее исполнить, готова буду со своей стороны предать все забвению.

Вы сами сказали мне, сударь, что я могу не бояться отказа. И хотя вы, со свойственной вам непоследовательностью, сразу же после этой фразы отказали мне в единственном, что могли для меня сделать [См. письмо 35](#), я хочу верить, что вы тем не менее сдержите сейчас слово, торжественно данное вами лишь несколько дней назад.

Итак, я желаю, чтобы вы оказали мне любезность удалиться от меня, покинули этот замок, где дальнейшее ваше пребывание могло бы лишь еще больше повредить мне в глазах людей, которые всегда готовы плохо думать о своем ближнем и которых вы к тому же слишком уж приучили наблюдать за женщинами, допускающими вас в свое общество.

Друзья мои давно предупреждали меня об этой опасности, но я пренебрегала их советами и даже спорила с ними, пока ваше поведение со мной позволяло мне думать, что вы соблаговолили не смешивать меня с толпой женщин, имевших основания для жалоб на вас. Теперь же, когда вы обращаетесь со мной, как с ними, – и мне это стало ясно – я обязана и перед общественным мнением, и перед самой собой принять это неизбежное решение. Я могла бы добавить, что вы ничего не выиграете, отказав мне в моей просьбе, ибо я твердо решила уехать сама, если вы проявите упорство и останетесь. Но я отнюдь не намереваюсь умалить свою признательность за вашу любезность, если вы мне ее окажете, и хочу, чтобы вы знали, что, вынудив меня уехать отсюда, вы нарушили бы мои планы. Докажите же мне, сударь, что, как вы меня часто уверяли, честным женщинам на вас жаловаться не приходится, докажите мне хотя бы, что, даже провинившись пред ними, вы умеете искупать свою вину.

Если бы я считала нужным как-то оправдать перед вами свою просьбу, мне достаточно было бы сказать, что вы всю свою жизнь вели себя так, чтобы сделать это необходимым, и что тем не менее вовсе не от меня зависело не обращаться к вам с такой просьбой. Но не будем вспоминать события, о которых я хочу забыть и которые вынудили бы меня судить вас сурово как раз в то время, когда я даю вам возможность заслужить мою признательность. Прощайте, сударь, поведение ваше покажет мне, с какими чувствами должна я буду неизменно пребывать глубоко уважающей вас...

Из ***, 25 августа 17...

Письмо 42

От виконта де Вальмона к президентше де Турвель

Как ни жестоки, сударыня, поставленные вами условия, я не отказываюсь их выполнить. Я чувствую себя неспособным противоречить ни единому вашему желанию. Поскольку в этом вопросе все ясно, я смею льстить себя надеждой, что вы и мне разрешите обратиться к вам с кое-какими просьбами. Их исполнить гораздо легче, чем то, о чем вы меня просите, и, однако, я хочу заслужить этой милости лишь своей совершенной покорностью вашей воле.

Первая – и я надеюсь, что вы сами найдете ее справедливой, – состоит в том, чтобы вы соблаговолили назвать мне моих обвинителей: они, как я полагаю, причиняют мне достаточно зла, чтобы я имел право знать их. Вторая – и ее исполнения я жду от вашего милосердия – заключается в том, чтобы вы дали мне позволение хоть изредка напоминать вам о своей любви, которая теперь более чем когда-либо заслуживает вашей жалости.

Подумайте, сударыня, о том, что я спешу повиниться вам, хоть и вынужден поступить ради этого своим счастьем, более того – хоть я убежден, что вы хотите моего отъезда лишь для того, чтобы избавиться от всегда неприятного присутствия человека, к которому вы несправедливы. Признайте, сударыня, вы не столько опасаетесь общества человека, слишком привыкшего питать к вам уважение и потому не смеющего неблагоприятно судить о вас, сколько тяготитесь присутствием того, кого вам легче покарать, чем осудить. Вы удаляете меня с глаз своих, как отвращают взор от страждущего, которому не хотят оказать помощи.

Но теперь, когда разлука с вами удвоит мои мучения, к кому, как не к вам, смогу я обращать свои жалобы? От кого другого смогу я ждать утешений, которые будут мне так необходимы? Откажете ли вы мне, когда являетесь единственной причиной моих горестей?

Наверно, не будете вы удивлены и тем, что перед отъездом я горячо желаю оправдать перед вами чувство, которое вы мне внушили, а также и тем, что мужество для отъезда я могу обрести, лишь получив повеление о нем из ваших уст.

Эта двойная причина заставляет меня просить вас уделить минуту времени для беседы со мной. Заменять ее перепиской было бы бесполезно. Можно написать целые тома, а всё не изложишь как следует того, что так легко уразуметь в пятнадцатиминутном разговоре. Вам легко будет выбрать время для этого, ибо, как бы ни спешил я исполнить вашу волю, госпоже де Розмонд известно, что я предполагал провести у нее часть осени, а мне, во всяком случае, придется подождать хотя бы письма, чтобы выставить в качестве предлога некое дело, требующее моего отъезда.

Прощайте, сударыня. Никогда не было мне так тяжело писать это слово, как в миг, когда оно вызывает во мне мысль о нашей разлуке. Если бы вы могли только представить себе, как я от этого страдаю, вы бы, смею верить, вменили мне в некоторую заслугу мою покорность.

Примите же с большей хотя бы снисходительностью уверения в нежнейшей и почтительнейшей любви.

Из ***, 26 августа 17...

Продолжение письма 40

От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей

А теперь, прелестный мой друг, давайте рассуждать. Вы, как и я, хорошо понимаете, что щепетильная и честная госпожа де Турвель не может согласиться на мою первую просьбу и обмануть доверие друзей, назвав мне моих обвинителей. Таким образом, обещая под этим условием все, что угодно, я себя ничем не связываю. Но вы понимаете также, что этот отказ послужит основанием для того, чтобы получить все остальное, и тогда, уехав, я выигрываю возможность вступить с нею – и притом с полного ее согласия – в регулярную переписку, ибо я не придаю никакого значения свиданию, о котором я ее просил: почти единственная его цель – приучить ее заранее к тому, чтобы она не отказывала мне в других свиданиях, когда у меня в них будет уже настоящая надобность.

Единственное, что мне остается сделать до отъезда, – это узнать, кто же именно занимается тем, что вредит мне в ее глазах. Полагаю, что это ее скучный муж, и хотел бы, чтобы было так: помимо того, что исходящее от супруга запрещение лишь подстрекает желания, я мог бы быть уверен, что, коль скоро моя прелестница согласится мне писать, мужа ее опасаться больше не придется, ибо тем самым она уже оказалась бы вынужденной обманывать его.

Но если у нее есть приятельница настолько близкая, что она ей доверяется, и если приятельница эта против меня, значит, их необходимо поссорить, и я рассчитываю в этом преуспеть.

Вчера я уже думал, что вот-вот все узнаю, но эта женщина ничего не делает, как другие. Мы находились в ее комнате, как раз когда доложили, что подан обед. Она еще только заканчивала свой туалет, и я успел заметить, что, торопясь и извиняясь, она оставила в секретере ключ от него, а мне хорошо известно, что ключа от своей комнаты она никогда с собой не берет. Во время обеда я обдумывал это обстоятельство, а потом услышал, как спускается сверху ее горничная. Тут же я принял решение: сделал вид, что у меня кровотечение из носа, и вышел из-за стола. Я полетел прямо к ее секретеру, но обнаружил все ящики незапертыми, а в них – ни единой исписанной бумажки. Между тем в такое время года не представляется случая сжигать их. Куда же она деваает письма, которые получает? А получает она их часто. Я ничего не упустил, все было открыто, и я все обыскал, но убедился только в том, что сокровище это она хранит у себя в кармане.

Как же выудить его оттуда? Со вчерашнего дня я тщетно ишу какого-нибудь способа, но побороть в себе это желание никак не могу. Ужасно жалею, что не дано мне воровских талантов. И правда, разве обучение этому делу не должно входить в воспитание человека, занимающегося интригами? Разве не забавно было бы стащить письмо или портрет соперника или вытащить из кармана недотроги то, что может ее разоблачить? Но родители наши не думают ни о чем, а я хоть и думаю обо всем, но только убеждаюсь, как я неловок и как мало могу помочь делу.

Но что бы там ни было, я вернулся к столу крайне недовольный. Все же прелестница моя несколько успокоила мою досаду, с участливым видом расспрашивая меня о моем мнимом нездоровье. Я же не преминул уверить ее, что с некоторых пор испытываю приступы волнения, расстраивающие мое здоровье. Она ведь убеждена, что является их причиной, – не следовало ли ей, по совести говоря, постараться их успокоить? Но она хоть и набожна, но не слишком милосердна: отказывает во всяком любовном подаянии, и, по-моему, отказа

этого вполне достаточно для оправдания кражи того, чего не дают. Но прощайте, ибо, бесе-
дуя с вами, я думаю только об этих проклятых письмах.

Из ***, 27 августа 17...

Письмо 43

От президентши де Турвель к виконту де Вальмону

Зачем, сударь, стремитесь вы уменьшить мою признательность? Зачем соглашаетесь вы повиноваться мне лишь наполовину и словно делаете достойное поведение предметом торга? Вам недостаточно, чтобы я чувствовала, чего оно вам стоит? Вы требуете не только многого – вы требуете невозможного. Если мои друзья и говорили со мной о вас, то они делали это лишь из участия ко мне. Пусть они даже ошибались, намерения у них были самые благие, а вы предлагаете мне в благодарность за этот знак внимания выдать вам их секрет! Заговорив с вами об этом, я уже сделала оплошность, и сейчас вы отлично дали мне это понять. То, что с другим человеком было бы простой откровенностью, с вами превращается в легкомыслие и могло бы довести меня до гнусности, если бы я согласилась на вашу просьбу. Я взываю к вам же, к вашему благородству: могли ли вы считать меня на это способной, могли ли вы мне это предложить? Разумеется, нет, и я уверена, что по зрелом размышлении вы не возобновите этой просьбы!

Вторая просьба – о разрешении писать мне – столь же трудно исполнима и, говоря по всей справедливости, не на меня следует за это пенять. Не хочу оскорблять вас, но при той репутации, которую вы приобрели и которую, по вашим же словам, отчасти заслужили, какая женщина может признаться, что состоит с вами в переписке? И разве порядочная женщина может решиться на нечто такое, что – как она сама отлично понимает – ей пришлось бы скрывать?

Если бы еще я могла быть уверена в том, что у меня никогда не будет оснований жаловаться на содержание ваших писем и я всегда смогу оправдаться перед самой собой в их получении! Тогда, может быть, стремление доказать вам, что руководит мною не ненависть, а разум, возобладало бы над всеми столь вескими соображениями и заставило бы меня сделать гораздо больше, чем мне следовало бы, разрешив вам изредка писать мне. Если вы действительно желаете этого так сильно, как говорите, то охотно подчинитесь единственному условию, которое могло бы побудить меня на это согласиться, и если вы испытываете хоть какую-нибудь признательность за то, что я сейчас для вас делаю, вы не замедлите уехать.

Позвольте мне заметить вам по этому поводу, что сегодня утром вы получили письмо, но не воспользовались им для того, чтобы объявить госпоже де Розмонд о своем отъезде, как вами было обещано. Надеюсь, что теперь ничто не помешает вам сдержать свое слово. Особенно же рассчитываю я на то, что для этого вы не станете дожидаться беседы со мной, о которой вы меня просите и на которую я решительно не могу согласиться, и что вместо устного повеления моего, якобы столь вам необходимого, вы удовольствуетесь моей вторичной просьбой. Прощайте, сударь.

Из ***, 27 августа 17...

Письмо 44

От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей

Порадуйтесь вместе со мной, прелестный мой друг: я любим, я победил это строптивое сердце. Тщетно пыталось оно притворяться – мне удалось проникнуть в его тайну. Я не пожалел усилий и теперь знаю все, что меня интересует: со вчерашней ночи, счастливой вчерашней ночи, я вновь обрел свою сущность, вновь зажил полной жизнью; я разоблачил двойную тайну – любви и подлости, я буду наслаждаться одной и отомщу за другую, я стану порхать от удовольствия к удовольствию. При одной мысли об этом меня охватывает такое ликование, что я не без труда вспоминаю об осторожности и о том, что мне, быть может, придется приложить некоторые старания для того, чтобы рассказ мой получился связным. Однако попытаемся.

Еще вчера, закончив свое письмо к вам, я в свою очередь получил письмо от божественной святоши. Посылаю вам его; вы увидите, что в нем она дает мне – наиболее для себя удобным способом – позволение писать ей, но зато торопит меня с отъездом. И я понял, что не могу его особенно откладывать, не повредив себе.

Меня, однако, мучило желание узнать, кто же мог писать ей против меня, но я не был уверен в том, что именно мне следует предпринять. Я пытался подкупить горничную, чтобы она опорожнила для меня карманы своей госпожи: ей нетрудно было бы сделать это вечером, а утром она могла бы аккуратно положить все на прежнее место, не возбудив ни малейших подозрений. За эту ничтожную услугу я предложил ей десять луидоров, но наткнулся на слишком честную или слишком робкую тупицу: ее не поколебали ни мое красноречие, ни деньги. Я продолжал уговаривать ее, когда позвонили к ужину. Пришлось оставить ее в покое, и счастье еще, что она обещала мне сохранить наш разговор в тайне; я, как вы сами понимаете, даже на это не особенно рассчитывал.

Никогда еще не был я в таком дурном настроении. Я чувствовал, что сам себя скомпрометировал, и весь вечер упрекал себя за неосторожный шаг.

Удалившись к себе и не находя покоя, поговорил я со своим егерем: в качестве счастливого любовника он должен был иметь известное влияние на свою милую. Я хотел, чтобы он уговорил эту девушку либо сделать то, что я просил, либо промолчать насчет моей просьбы. Но он, обычно ни в чем не сомневающийся, тут как будто усомнился в успехе и высказал по этому поводу суждение, удивившее меня своей глубиной.

«Господин виконт лучше меня знает, – сказал он, – что, когда спишь с девушкой, то заставляешь ее делать только то, чего ей самой хочется, а заставить ее делать то, чего вам хочется, – до этого частенько еще весьма далеко».

Ах, ум негодника порой меня пугает.²⁰

«За эту я еще и потому не ручаюсь, – добавил он, – что, по-моему, у нее есть другой любовник, а со мной она водится лишь от деревенской скуки. И если бы не то, что уж очень хочется мне услужить вам, сударь, я бы больше одного раза и не побывал у нее. (Этот парень – настоящее сокровище!) Что же до молчания, – добавил он еще, – какой смысл просить ее о нем, когда она может безо всякого риска нас обмануть? Заговорить с ней об этом

---

²⁰ Пирон. «Метромания». – Алексис Пирон (1689–1773) – французский поэт, автор эротических стихотворений, а также комедий и либретто для комических опер. «Метромания» – стихотворная комедия, высмеивающая дилетантов-рифмоплетов, – считается лучшим его произведением. Цитируемая здесь строка взята из IX сцены II действия.

еще раз значило бы навести ее на мысль, что это очень важно, и вызвать в ней еще большую охоту подладиться к своей госпоже».

Чем справедливее были эти доводы, в тем большее смущение они меня повергали. К счастью, бездельник разболтался, а так как он был мне нужен, я не стал ему мешать. Рассказывая мне свою интрижку с этой девушкой, он, между прочим, упомянул, что ее комната отделяется от комнаты ее госпожи лишь тонкой перегородкой, через которую можно услышать любой подозрительный шум, и что поэтому каждую ночь девушка приходит к нему. У меня тотчас же возник план, который я сообщил ему и который мы успешно осуществили.

Я дождался двух часов ночи и, как мы с ним договорились, направился со свечой в комнату, где происходило свидание, – под предлогом, будто я несколько раз тщетно вызывал его звонком. Наперсник мой, превосходно разыгравший свою роль, изобразил целую сценку: он застигнут врасплох, он в отчаянии, рассыпается в извинениях; все это я прервал, отправив его согреть воду, которая якобы мне была нужна. Щепетильной же служанке было тем более стыдно, что негодник, еще добавивший к моей выдумке от себя, убедил ее пребывать в туалете, который ко времени года вполне подходил, но отнюдь им не оправдывался.

Понимая, что чем более униженной будет себя чувствовать эта девица, тем легче я добьюсь от нее своего, я помешал ей изменить и позу и наряд и, приказав слуге дожидаться меня в моей комнате, уселся рядом с нею на кровать и начал заранее приготовленную речь. Мне необходимо было удержать власть, которую обстоятельства дали мне над нею, и потому я сохранил хладнокровие, достойное стойкости Сципиона:²¹ не позволив себе с нею ни малейшей вольности, на что она могла надеяться, учитывая ее миловидность и удобный случай, я завел с нею деловой разговор так же невозмутимо, как если бы беседовал с чиновником.

Условия мои сводились к тому, что я добросовестно сохраню все в тайне, если завтра приблизительно в это же время она доставит мне содержимое карманов своей госпожи. «Кстати, – добавил я, – вчера я вам предлагал десять луидоров, – обещаю вам их и сегодня: не хочу злоупотреблять положением, в котором вы очутились». Как вы сами понимаете, мы отлично поладили, после чего я удалился, предоставив счастливой парочке навестывать потерянное время.

Свое же время я посвятил сну, а наутро, желая иметь предлог, чтобы не отвечать на письмо прелестницы, пока не просмотрю ее бумаг, чего не мог бы сделать до следующей ночи, решил отправиться на охоту и отсутствовал почти весь день.

По возвращении меня приняли довольно холодно. Имею основание полагать, что тут сказалось уязвленное самолюбие: как это я не поторопился воспользоваться оставшимся мне временем, особенно после написанного мне более ласкового письма. Думаю так потому, что, когда госпожа де Розмонд слегка упрекнула меня за долгое отсутствие, моя прелестница возразила несколько едким тоном: «Ах, не станем упрекать господина де Вальмона за то, что он предается единственному удовольствию, которое может здесь найти». Я посетовал на подобную несправедливость и воспользовался случаем заверить дам, что их общество мне до крайности приятно и что я даже пожертвовал ради него важным письмом, которое должен был написать. К этому я добавил, что уже много ночей страдаю бессонницей и что мне пришло в голову – не вернет ли мне сон физическая усталость. При этом взгляды мои красноречиво говорили и о содержании письма и о причинах бессонницы. В течение всего вечера я старался сохранить нежно-меланхолический вид; по-моему, мне превосходно удалось скрыть за ним нетерпеливое ожидание того часа, когда я узнаю тайну, которую от меня

---

²¹ *Стойкость Сципиона*. – Имеется в виду эпизод из жизни Публия Корнелия Сципиона Эмилиана Африканского (ок. 235–185 гг. до н. э.): вместо того чтобы сделать пленную испанскую девушку своей наложницей, он возвратил ее жениху.

так упорно скрывают. Наконец, мы разошлись по своим комнатам, и немного времени спустя верная служанка принесла мне условленную награду за мое молчание.

Завладев этим сокровищем, я приступил к ознакомлению с ним с известной вам осторожностью, ибо крайне важно было, чтобы все оставалось в том виде, как оно было. Сперва я напал на два письма от мужа – неудобоваримую смесь из подробностей судебного процесса и супружеских излияний; у меня хватило терпения прочитать эти письма от начала до конца, но я не обнаружил ни одного упоминания обо мне. Я с досадой положил их на место, но раздражение мое смягчилось, когда в руках у меня оказались старательно собранные клочки пресловутого дижонского письма. К счастью, мне пришло на ум пробежать его глазами. Судите о моей радости, когда я заметил отчетливые следы слез моей пленительной святоши. Признаюсь, я поддался юношескому порыву и расцеловал это письмо с пылом, на который уже не считал себя способным. Продолжая столь удачно начатое обследование, я нашел все свои письма, собранные вместе и разложенные по числам. Но приятнее всего удивило меня то, что там оказалось и самое первое, которое, как я полагал, неблагодарная мне вернула: оно было старательно переписано ее рукой, притом неровным, дрожащим почерком, явно свидетельствующим о сладостном волнении ее сердца во время этого занятия.

До сих пор я был весь охвачен любовью, но вскоре ее сменила ярость. Как вы думаете, кто хочет погубить меня в глазах обожаемой мною женщины? Какая фурия, по-вашему, настолько злобна, что могла замыслить такую подлость? Вы ее знаете: это ваша приятельница, ваша родственница, госпожа де Воланж. Вы не представляете себе, каких только дьявольских гнусностей не написала ей обо мне эта мегера. Она, она одна нарушила душевный мир этого ангела в образе женщины. Из-за ее советов, из-за ее зловредного подстрекательства я оказался вынужденным удалиться; словом, это ради нее жертвуют мною! Да, без сомнения, надо соблазнить ее дочь, но этого недостаточно, – ее самое надо погубить, и если уже по возрасту своему эта проклятая женщина вне опасности, надо поразить ее в той, к кому она привязана.

Так она желает, чтобы я вернулся в Париж? Она принуждает меня к этому? Хорошо, я вернусь, но она поплачет из-за моего возвращения. Жаль, что героем этого приключения явится Дансени: в нем есть глубокая порядочность, которая будет нам помехой. Однако он влюблен, мы с ним часто видимся – может быть, мы извлечем из него пользу. Но в гневе своем я совсем забылся и не думаю о том, что должен изложить вам сегодняшние события. Вернемся к рассказу.

Утром я снова увиделся с чувствительной святошей. Никогда еще она не казалась мне столь прекрасной. Так оно и должно быть: лучшее мгновение для женщины, единственное, когда она может вызвать в нас опьянение души, о котором так много говорят и которое так редко испытывают, это мгновение, когда, уже убедившись в ее любви, мы еще не уверены в ее милостях, и именно в таком состоянии я теперь нахожусь. Может быть, украшала ее в моих глазах и мысль, что я вскоре лишусь удовольствия видеть ее. Наконец, принесли почту, я получил ваше письмо от 27-го, и, читая его, я еще не был уверен, что сдержу свое слово. Но я встретился глазами с моей прелестницей и почувствовал, что ни в чем не могу ей отказать.

Итак, я объявил о своем отъезде. Почти сразу же после этого госпожа де Розмонд оставила нас наедине, но я был еще не менее чем в четырех шагах от недотроги, а она, вдруг вскочив с испуганным видом, промолвила: «Не прикасайтесь ко мне, сударь, не прикасайтесь! Ради бога, не прикасайтесь ко мне!» Эта горячая мольба, выдававшая душевное смятение, могла лишь еще более возбудить меня. Я был уже подле нее и держал за руки, которые она так трогательно сложила, когда какой-то злой демон вновь привел госпожу де Розмонд. Робкая святоша, у которой сейчас и впрямь имеются основания для страха, воспользовалась этим и решила удалиться.

Все же я предложил ей руку, и она ее приняла. Я же, усмотрев в этом дружелюбном порыве, которого у нее уже давно не было, благие предзнаменования, вновь начал свои любовные жалобы и даже попытался пожать поданную мне руку. Сперва она хотела вырвать ее, но я проявил большую настойчивость, и она довольно охотно подчинилась, хотя не ответила ни на мое пожатие, ни на мои слова. У дверей ее комнаты я хотел, прощаясь, поцеловать эту ручку. Сперва защита была довольно решительной, но я так нежно произнес: «Подумайте, ведь я уезжаю», – что это сделало ее вялой и слабой. Однако едва лишь поцелуй коснулся руки, та вновь обрела свою силу и вырвалась из моей, а прелестница ушла в свою комнату, где уже находилась ее горничная. Тут и конец рассказу.

Я предполагаю, что завтра вы будете у маршальши де***, где я, наверно, не стану с вами встречаться, так как думаю, что во время первой нашей встречи нам нужно будет поговорить о многих делах, и прежде всего о деле маленькой Воланж, которую я отнюдь не теряю из виду. Поэтому я решил до личного с вами свидания написать это письмо, и как бы оно ни было длинно, запечатаю его лишь перед самой отправкой почты, ибо при нынешнем положении моих дел все может зависеть от благоприятного случая, и я отправляюсь искать его, а потому расстаюсь с вами.

P.S. Восемь часов вечера. Ничего нового. У нее – ни одной свободной минутки, и она даже старается быть все время занятой. При этом, однако, столько грусти, сколько позволяют приличия, – не менее того. Другая новость, может быть, немаловажная: госпожа де Розмонд поручила мне передать госпоже де Воланж приглашение провести некоторое время у нее в деревне.

Прощайте, мой прелестный друг. До завтра или, самое позднее, до послезавтра.
Из ***, 28 августа 17...

Письмо 45

От президентши де Турвель к госпоже де Воланж

Господин де Вальмон сегодня утром уехал, сударыня. Вы, казалось мне, так желали этого отъезда, что я сочла своим долгом уведомить вас о нем. Госпожа де Розмонд очень грустит о своем племяннике, и, надо сознаться, общество его действительно очень приятно. Все утро она говорила мне о нем с чувствительностью, которая, как вам известно, ей столь свойственна. Я считала своим долгом по отношению к ней слушать ее любезно, без возражений, тем более что во многих отношениях она была совершенно права. К тому же я чувствовала себя виновной в том, что являюсь причиной этой разлуки, и у меня нет надежды, что я сумею как-то вознаградить ее за радость, которой я же ее лишила. Вы знаете, что по натуре своей я не слишком весела, а тот образ жизни, который нам предстоит вести здесь, тоже будет не из веселых.

Если бы я в данном случае не следовала вашему совету, то опасалась бы, что поступила несколько необдуманно, так огорчила меня печаль моего уважаемого друга. Я была до того растрогана, что охотно смешала бы с ее слезами свои.

Теперь мы живем надеждой, что вы примете приглашение госпожи де Розмонд приехать к ней погостить, которое вам должен передать господин де Вальмон. Надеюсь, вы не сомневаетесь, что я с радостью увижу вас здесь, и, по правде говоря, вы просто должны вознаградить нас таким способом. Я была бы очень рада также воспользоваться этим случаем, чтобы ближе познакомиться с мадемуазель де Воланж и иметь возможность еще больше уверить вас в моем глубоком уважении и пр.

Из ***, 29 августа 17...

Письмо 46

От кавалера Дансени к Сесили Воланж

Что такое случилось с вами, обожаемая Сесиль? Кто мог вызвать в вас столь внезапную и столь жестокую перемену? Куда девались ваши клятвы, что вы никогда не изменитесь? Еще вчера вы с такой радостью повторяли их! Что же заставило вас позабыть их сегодня? Тщетно заглядываю я в себя – в самом себе причины этого я обнаружить не могу, и ужасно мне искать ее в вас. Ах, вы, разумеется, не ветреная обманщица, и даже сейчас, в миг отчаяния, души моей не запятнает оскорбительное подозрение. И, однако, что за злой рок сделал вас уже не той, какой вы были? Да, жестокая, вы уже не та! Нежная Сесиль, обожаемая мною Сесиль, от которой я слышал клятвы, не стала бы избегать моих взглядов, не препятствовала бы счастливому случаю, благодаря которому мы очутились рядом. Если же какая-нибудь непонятная мне причина и побудила ее обращаться со мной так сурово, она, во всяком случае, не преминула бы сообщить мне о ней.

Ах, вы не знаете, вы никогда не узнаете, моя Сесиль, как вы заставили меня страдать сегодня и как я страдаю до сих пор. Неужто вы думаете, что я могу жить, если больше не любим вами? А между тем, когда я молил у вас об одном слове, об одном только слове, которое могло бы рассеять мои страхи, вы вместо того, чтобы мне ответить, сделали вид, будто боитесь, как бы вас не услышали. И препятствие, которого еще не было, вы сами же создали, выбрав то место, которое заняли в собравшемся обществе. Когда, вынужденный вас покинуть, я спросил, в какое время смогу завтра увидиться с вами, вы сделали вид, что не расслышали, и назначить мне время пришлось госпоже де Воланж. Итак, это столь желанное мгновение, сближающее меня с вами, завтра породит во мне одно лишь беспокойство. И столь дорогую моему сердцу радость видеть вас сменит опасение быть вам докучным.

Я чувствую, как этот страх уже останавливает меня, и я не смею говорить вам о своей любви. Слова *я люблю вас*, которые мне было так сладостно повторять, когда я, в свою очередь, мог слышать их, эти столь нежные слова, которых мне было достаточно для счастья, теперь, раз вы изменились, рождают во мне лишь образ вечного отчаяния. Я не могу верить, однако, что этот талисман любви потерял силу, и еще пытаюсь воспользоваться им.²² Да, моя Сесиль, *я люблю вас*. Повторите же вместе со мной эти слова, в которых – все мое счастье. Подумайте, что вы приучили меня внимать им и что лишать меня их – значит подвергнуть меня пытке, которая, как и любовь моя, кончится лишь вместе с моей жизнью.

Из ***, 29 августа 17...

---

²² Те, кому не представлялся случай чувствовать порой значение какого-нибудь слова или выражения, освященного любовью, не найдут в этой фразе никакого смысла.

Письмо 47

От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей

Сегодня мы с вами еще не увидимся, прелестный мой друг, и вот по каким причинам, к которым я прошу вас проявить снисхождение.

Вместо того чтобы возвратиться прямо в Париж, я задержался у графини де***: замок ее находится почти что по пути, и я напросился к ней отобедать. Я прибыл в Париж лишь около семи вечера и сошел у Оперы, в надежде, что, может быть, там находитесь и вы.

По окончании спектакля я отправился в фойе повидаться с друзьями. Там я нашел мою старую приятельницу Эмили, окруженную многочисленной свитой, состоявшей как из мужчин, так и из женщин, которых она в тот же вечер угощала ужином в П***. Не успел я попасть в эту компанию, как все хором стали просить меня участвовать в ужине. Пригласил меня также плотный, приземистый человек, пробормотав несколько французских слов с голландским акцентом; я догадался, что он и есть истинный виновник торжества. Я принял приглашение.

По дороге я узнал, что дом, куда мы направлялись, являлся условленной наградой за благосклонность Эмили к этой чудаковатой личности и что ужин был самым настоящим свадебным пиром. Человек этот был вне себя от радости в предвкушении блаженства, которым ему предстояло наслаждаться и от которого он был до того счастлив, что мне захотелось это блаженство нарушить. Я так и сделал.

Единственная трудность заключалась в том, чтобы уговорить Эмили: богатство бургомистра делало ее несколько щепетильной. Однако, немного поломавшись, она согласилась с моим планом наполнить этот пивной бочонок вином и таким образом вывести его на всю ночь из строя.

Из-за своего преувеличенного представления о том, сколько может выпить голландец, мы применили все известные средства и настолько успешно, что за десертом он уже не в состоянии был держать в руке стакан, но сострадательная Эмили и я напаявали его взапуски. Наконец, он свалился под стол, так упившись, что, казалось, ему понадобится неделя, чтобы оправиться. Тогда мы решили отослать его обратно в Париж, а так как свою карету он отпустил, я велел погрузить его в мою, а сам остался вместо него. Затем я принял поздравления от всей компании, которая вскоре разошлась, оставив меня победителем на поле сражения. Благодаря этому веселому приключению, а может быть, и длительному воздержанию я нашел Эмили настолько привлекательной, что обещал ей остаться до воскресения голландца из мертвых.

Эта моя любезность была наградой за любезность, оказанную мне ею: она согласилась послужить мне пюпитром, на котором я написал письмо моей прелестной святоше. Мне показалось забавным послать ей письмо, написанное в кровати и почти что в объятиях потаскушки: в письме этом, прерывавшемся мною для полного совершения измены, я давал ей самый обстоятельный отчет в своем положении и поведении. Эмили прочитала это послание и хохотала, как безумная. Надеюсь, что вы тоже повеселитесь. Так как нужно, чтобы на письме был парижский штампель, я посылаю его вам: оно не запечатано. Вы уж соблаговолите прочесть его, запечатать и отправить на почту. Только не ставьте своей печати или вообще печати с любовной эмблемой, пусть будет просто какая-нибудь головка. Прощайте, прелестный мой друг.

P.S. Распечатываю письмо. Я уговорил Эмили поехать в Итальянский театр. Этим временем я воспользуюсь, чтобы пойти повидаться с вами. Я буду у вас самое позднее в шесть часов, и, если это вам удобно, около семи часов мы вместе отправимся к госпоже де Воланж. Неудобно откладывать передачу ей приглашения госпожи де Розмонд. К тому же я был бы не прочь поглядеть на маленькую Воланж.

Прощайте, распрекрасная дама. Хочу расцеловать вас с таким удовольствием, чтобы кавалер мог приревновать.

Из П***, 30 августа 17...

Письмо 48

От виконта де Вальмона к президентше де Турвель (с парижским штемпелем)

После бурной ночи, в течение которой я не сомкнул глаз; после того, как меня пожирала приступы неистового страстного пыла, сменявшиеся полным упадком всех душевных сил, я прибегаю к вам, сударыня, в поисках столь нужного мне покоя, которого, впрочем, я еще не надеюсь обрести. И правда, положение, в котором я сейчас пишу вам, более чем когда-либо убеждает меня во всемогуществе любви. Мне трудно владеть собою настолько, чтобы привести мои мысли хоть в некоторый порядок, и я уже сейчас предвижу, что еще до окончания этого письма вынужден буду его прервать. Как! Неужели я не могу надеяться, что вы когда-нибудь разделите смятение, обуревающее меня в настоящий миг! Смею, однако, думать, что, если бы оно было вам знакомо, вы не остались бы к нему нечувствительны. Поверьте, сударыня, холодное спокойствие, сон души, являющийся подобием смерти, – все это не есть путь к счастью; только живые страсти ведут к нему, и, несмотря на муки, которые я из-за вас испытываю, я могу без колебаний утверждать, что в настоящее мгновение я счастливее вас. Напрасно угнетаете вы меня своей беспощадной суровостью – она не мешает мне всецело отдаваться любви и забывать в любовном исступлении отчаяние, в которое вы меня ввергаете. Вот чем пытаюсь я отомстить вам за изгнание, на которое вы меня осудили. Ни разу еще за письмом к вам не испытывал я такой радости, ни разу это занятие не сопровождалось чувством столь сладостным и вместе с тем столь пылким: я дышу воздухом, полным сладострастия; даже стол, на котором я вам пишу, впервые для этого употребленный, превращается для меня в священный алтарь любви. Насколько прекраснее становится он в моих глазах: ведь на нем начертал я клятву вечной любви к вам! Простите, молю вас, беспорядочность моих чувств. Может быть, мне следовало бы менее предаваться восторгам, не разделяемым вами; на мгновение я вынужден покинуть вас, чтобы рассеять опьянение, с которым я уже не могу совладать, – так усиливается оно с каждым мгновением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.